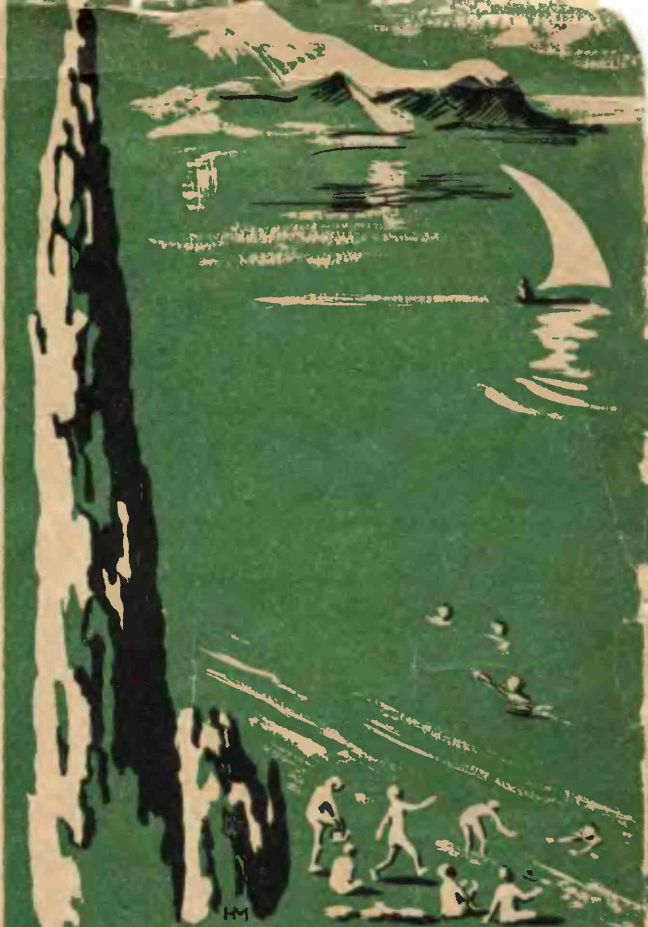

Д. ЛАВРОВ

Ср

Л-13

Л.В.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

1929

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

35 коп.

ДВН.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

№ 39-40

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 39-40

Ш 172

Д. ЛАВРОВ

Ср
Л-13

НА БЕРЕГУ МОРЯ

НАШ АРТЕК

Обложка Н. МАШКОВОЙ

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

МОСКВА

1929

9-я типография
„Мосполиграф“
Улица Разина, 5.
Главлит № А51813
Тираж 10.000 экз.
Зак. 404

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всего лишь четыре года назад в ряде оздоровительных детских учреждений с профилактическим уклоном впервые появился лагерь-санаторий. Это новое учреждение, организованное на средства общества Красного Креста (РОКК) на южном берегу Крыма в Артеке, формами и достижениями своей работы сравнительно быстро привлекло к себе внимательное отношение практических работников пионерского движения на местах. В результате этого мы имеем на четвертом году существования Артека уже около 40 лагерей, организованных и работающих по принципу Артека в различных местах СССР.

Правильно поставленный три года назад опыт оправдал таким образом возлагавшиеся на него надежды. Учитывая прежние неправильности в работе и одновременно расширяя и углубляя ее, в дальнейшем нужно добиваться организации подобных учреждений, хотя бы по одному во всех округах, областях и республиках нашего Союза.

Само собой разумеется, что в этом деле исключительную помощь может оказать печать, будь то журнальная статья или очерк, подобный предлагаемому. И я, как организатор лагеря-санатория и практический работник его, всемерно буду приветствовать это, при условии обязательного сохранения полной об'ективности как в описании работы лагеря, так и оценки ее.

Предлагаемый автором очерк из жизни лагеря-санатория „Артек“ рассчитан главным образом на школьную детскую массу. Автор правдиво, а местами и ярко рисует отдельные моменты из жизни лагеря, которую он имел возможность наблюдать во время своего достаточно продолжительного пребывания в лагере.

Не вдаваясь в критическую оценку очерка в литературном отношении, я полагаю, что простота и правдивость его изложения могут заинтересовать юных читателей и пробудят в них ту активность и самостоятельность, без которых невозможно практическое осуществление всякой идеи.

От предлагаемого очерка нельзя требовать указаний конкретной работы и форм ее в санаторных лагерях. Для этого в нем нехватает целого ряда необходимых подробностей. Но как пропаганда здоровой и нужной идеи и как первый этап к ее практическому осуществлению, предлагаемый очерк заслуживает полного внимания.

Артек.
15 июля 1928 г.

Ф. Ш и ш м а р е в.

„ЕЖ-ТЕ В РОТ... В КРЫМ ЕДУТ!“

— Василий Петрович, а Василий Петрович! .

— Ась?

И, оглянувшись, Василий Петрович, председатель фабкома хрустальной фабрики, недовольным, но добродушным взглядом окинул румяное лицо подбежавшей к нему Нины.

— Ну, что еще тебе? Небось опять насчет денегат... Еж-те в рот пирога с луком. Опять пионерчики тормозат? А?

— Да, денегат малость требуется...

— Эх вы! Все денегат да денегат. А вы бы без денегат делами ворочали.

И, прибавив шагу, не глядя на Нину, Василий Петрович резко обрезал:

— Нет вам денег. Недавно выдал и опять пришли раньше сроку...

Потом, помолчав с минуту, еще раз недовольно буркнул:

— Нет вам денег... Еж-те в рот пирога с луком.

— А ты погоди, Василий Петрович, расходиться-то. Разобраться надо.

— Чего ж тут разбираться? Нету—и... крышка. Приходи в следующий месяц.

— То само собой, а сейчас нужно в роде как бы сверхсметных... На дело внеочередное...

— Сверхсметных, говоришь? — вытянул Василий Петрович из груди членораздельными звуками.—Ишь ты!

Василий Петрович закурил папироску, резким обрывом руки бросил в сторону тлевшую спичку и, внимательно посмотрев на Нину, спросил:

— Это что же за сверхсметные? А?.. Что же это за сверхсметные, я тебя спрашиваю... Еж-те в рот пирога с луком.

Как видно, ему очень не нравилось, когда разговор касался отпуска непредвиденных „сверхсметных“ сумм. Они остановились у проходных ворот фабрики, и Василий Петрович, глубоко затянувшись сизым ды-

мом папироски, уже более спокойно спрашивал Нину.

— Для чего же это тебе „сверхсметные“—то потребовались, верховод ты пионерский? Много ли вас таких-то в ячейке обретается?

— Каких это „таких“? Я о деле думаю, дело делаю и к тебе с делом пришла.

— Я и говорю про то...

Василий Петрович сунул в рот истлевшую папиросу и, заметив, что она потухла, бросил под ноги, приплюснув ее подошвой ботинок к каменистой дорожке.

— Ну, сказывай, верховод.

— А ты, Василий Петрович, зря расходишься. Разве на шесть отрядов, что при фабрике нашей, много тех денег, которые фабком нам отпустил? Да ведь их на бумагу для стенгазеты да на краски, да еще вот на такие мелочи по клубной работе только-только хватает. Да ведь у нас совсем мало денег идет; вон площадку-то какую соорудили—был ли ты на ней?—а денег на нее почти ничего не истратили. Во всяком случае, совсем немного! Подсчитайте. Все больше сами. Да и без того знаем, что

сами должны делать. На то и пионеры, организация.

— Ну, ну... Знаю ведь сам. Ты о „сверхсметных“ сказывай.

— Что ты знаешь? Маловато ты о пионерах знаешь. В кои-то веки заглянешь, на демонстрациях только разве. Так вот я и говорю. У нас деньги идут на самое необходимое, чего сами сделать не сможем. Бумагу-то ведь не сделаешь? Карандаши тоже? Без барабана ведь не к лицу как-то отряду ходить? Журнал, газету тоже выписать надо. А в Крым пешком тоже не пойдешь. Полторы тысячи километров.

— В Крым?

— В Крым, — убедительно пониженным тоном повторила Нина.— В Крыму есть лагерь-санаторий юных пионеров. На южном берегу. Да разве ты не знаешь о нем? Он организован еще в 1925 г. центральным комитетом Российского общества Красного Креста и Центральным бюро юных пионеров. Каждый год туда направляются со всего СССР группы слабых детей-пионеров. В этом году от нашей губернии тоже едут 35 человек, и нам предоставлено четыре места. Вот

нам и нужны деньги на проезд. За билеты заплатить да на питание в дороге, а уж там в лагере без нашей помощи. Все бесплатно.

И, переждав с минуту, в течение которой Василий Петрович еще не сказал ни одного слова, о чем-то думая, Нина переспросила, тревожно на него поглядывая:

— Так как же, Василий Петрович? Взрослые-то рабочие едут и в Крым, и на Кавказ. Надо и детишек послать. На одних ведь хлебах-то с отцом и матерью живут, одним воздухом дышат. Ишь вон дыму-то што. Духота!

— Да что говорить. Верно.

И, взглянув на часы, заторопился.

— Ладно. В фабкоме поговорю. Денег-то многонько требуется! А когда езжать надо?

— Через три дня, во вторник.

— Ты зайди завтра в обед или по телефону звякни.

— Я-то зайду, а ты вот с фабкомцами дело-то не заканитель.

— Да уж ладно, верховод. Денег-то, вишь, многонько надо, еж-те в рот пирога с луком.

ЖУРЧИТ РУЧЕЙКОМ РАДОСТЬ ПО ФАБРИЧНОМУ ПОСЕЛКУ

В эти дни во всех отрядах фабрики было много разговоров о предстоящей поездке в Крым четырех пионеров.

— Кто же поедет?

— Слабых, говорят, пошлют.

— Слабых, слабых! — передразнил маленький Ванятка, с бойким игривым лицом и внимательными глазенками, настойчиво сверлящими своего собеседника, так же как и все, что привлекало его внимание. Он с курьезным достоинством, которое бывает у маленьких „серьезных“ детишек, поправил на груди галстук, сбившийся в сторону, и продолжал:

— Слабых-то разве четыре на нашей фабрике? Посчитай-ка! Всех не пошлешь в Крым. Места нехватит, и карман не выдержит. Наш Союз советских социалистических республик еще беден, — добавил он тоном взрослого человека. — Нужно отобрать наиболее нуждающихся в отдыхе и в поправке своего здоровья. Во! Это Нина говорила. Много нас поедет в наши лагеря. В экскур-

сии будем ходить, играть на площадке. А в Крым нужно послать... этаких... (он на секунду запнулся) пре-ду-расположенных к тубир-кулезу. Которые, значит, скоро захворать могут тубиркулезом, да еще нервные, да у которых крови мало, не резкое, значит, малокровие.

— Это и нам Нина говорила. Подумаешь, какой знающий нашелся! Переутомленным еще можно ехать. Да еще тем из этих слабых, у которых папка меньше других зарабатывает, а семья у него ртов на семь будет.

— Доктор всех осмотрит и отберет, которым ехать нужно.

„Вот бы мне поехать! — каждый про себя думает. — В Крым, к Черному морю... Вот бы!“

*

Разговоры о предстоящей поездке пионеров в Крым, в Артекский лагерь-санаторий юных пионеров, захватывают своей заманчивостью, радостью, удовлетворяющими полет фантазии догадками. В памяти всплывают школьные рассказы о Крыме и прочитанное в книжках. Слова и речи отличаются

от обыкновенно употребляемых детьми еще большей яркостью и увлекательностью. Насыщенные захватывающим удовольствием и искренней радостью, разговоры журчат быстрым ручейком и брызгами прозрачной хрустальной водички, привлекают к себе внимание новых групп детишек. Каждому хочется подольше побыть среди своих товарищей и слушать радушные слова предположений о своем Артеке. Много заманчивого и приятного в словах сверстников. Кажется им, что выбежали они на отлогий берег моря, бросились в прохладную воду и плещутся в ней, играя струйками брызг, стремительно вырывающимися из-под ладоней детских ручонков. И всеми цветами радуги переливаются брызги — слова ребячьи — в ласкающих лучах весеннего солнышка.

Журчит, журчит ручеек по фабричному поселку. Вырвался он из клубных пионерских комнатух, захлестнул своею свежестью детские площадки и, разливаясь широкой волной — всей детворой фабричной, проникает в дома. И, проникнув в семьи рабочих, не прекращает он своего журчанья, а сдержанными возмужалыми всплесками-

голосами вызывает довольные улыбки на лицах взрослых рабочих и работниц.

— Кто же поедет-то? Небось, не пошлют тебя, постреленка?

— Кому следует, те и поедут. Может, и я поеду: вот доктор посмотрит, да в отряде решат.

И, как бы утешая себя на случай, если не придется ехать ему в далекий, манящий к себе Крым, добавляет:

— А кто поедет, тот нам расскажет обо всем. Да и остальные не дома сидеть будут. В свои лагеря поедем, в экскурсии ходить будем.

Усталость прошедшего дня неумолимо тянет к постели. И сквозь дремоту приближающегося здорового усталостью сна слышат родители обрывки утихающего детского лепета:

• — Завтра вечером... провожать... кто же поедет?.. Утром... скажут... Я бы... в Крыму-то хорошо... Из деревни... двое с нами поедут... пастушок... один... Вместе е-дем... в К-р-ы-м...

Нина еще не успокоилась от дневных забот. Завтра объявлять надо, кому ехать, а фабком канитель завел—на четвертого денег не дает. „Пусть трое,—говорит,—с'ездят“. И то хорошо.

„Как же быть? Кому отказать в отдыхе? До сих пор еще не сказала, кто выделен. Что сказать? Места на четверых есть, а трое едут. Что сделать? Что сделать?!“

ВАЛИ НА ВСЕХ ПАРАХ!

— Ну, так как же, Василий Петрович?—проговорила вошедшая Нина, стараясь быть как можно спокойнее. Но тревожно смотревшие глаза и неровная речь с такими перерывами в дыхании, словно она, Нина, страдающая одышкой, пробежала без отдыха большое расстояние, выдавали ее настроение. Она вошла в комнату фабричного комитета и, сказав: „Надо всех отправить. Нельзя от мест отказываться. Чтой-то вы выдумываете, товарищи!“—крикнула в открытую дверь толпившимся около нее пионерам:

— Входите сюда все!

В комнату вошли четыре пионера—два мальчика и две девочки—с котомками-мешками за плечами и легкими пальто на руках. Они были в обычных костюмах, но особая аккуратность и предусмотрительность во всех мелочах их, а также котомки и пальто говорили о том, что они собрались в дорогу. На их лицах вместе с робкой краской смущения смешалась довольная улыбка и нескрываемая радость, искрящаяся в бойких глазенках.

— Садитесь здесь, — сказала им Нина и обратилась к Василию Петровичу и секретарю фабкома:

— Они выделены для поправки своего здоровья в Крыму. В поселке сразу же все узнали, что нам дают четыре места. Выбирайте сами, которого из них не посылать.

Василий Петрович удивленно посмотрел на Нину.

— Выбирайте сами,—повторила Нина.— Я не знаю, кого из них задержать. Все они нуждаются в теплом морском воздухе. Домой отправлять я никого не могу. Как хотите.

Нина села вместе с пионерами и сложила руки, дрожавшие от волнения.

— На площадке ждут собравшиеся для проводов. Мы только-только успеем к поезду.

Василий Петрович взял листок бумаги, написал на нем о выдаче денег на проезд всем четверем и, подавая его Нине, тихо шепнул:

— Держи, еж-те в рот пирога с луком. Что говорить — ошибку сделали. Ошиблись. На, отправляй ребятишек на поправку, верховод ты этакий.

А потом, обратившись к пионерам повеселевшим и добродушным лицом, громко проговорил:

— Езжайте. Вали на всех парах. Да чтоб поправиться как следует. Приедете, небось, и нам скажете, как свое здоровье беречь надо. Так ли я говорю? А? Ну, ну, езжайте.

*

Приехавшие в губернский город четверо пионеров с хрустальной фабрики и с ними двое крестьянских ребят из деревень той же волости дополнили до 35 человек группу.

пионеров, отправлявшихся в Артекский лагерь-санаторий ЮП имени З. П. Соловьева.

С вечерним поездом, провожаемые веселыми криками и песнями пионеров и родителей, они, устроившись в вагоне, ринулись в пучину ночи к солнечной стране, к Черному морю, на южное побережье Крымского полуострова.

К ЧЕРНОМУ МОРЮ!

Чем дальше от севера уносится поезд под быстрый ритмичный стук своих колес, тем реже становятся леса могучих сосен, елей и берез. Отдельные островки зелени—заросли небольших кривых деревьев—когда встречаются среди распластавшейся равнины. Вглядываясь мимо последнего вагона в ровную линию горизонта и мысленно откладывая расстояние сотен вымеренных километров, невольно вспоминаешь, теперь далекие, северные леса. И кажется, что только теперь начинаешь ясно понимать красоту своих лесов.

Вспомнится последняя прогулка по грибы: тихий, волнистый шелест деревьев, свежесть,

бодрящая тело, шляпки грибов, прячущихся в сырой росистой траве. Вспомнишь веселые игры на лесной лужайке и думаешь: почему же я тогда так хладнокровно относился к красивейшим уголкам своего леса? Почему же я только теперь чувствую, насколько он мне мил и близок? Почему только теперь начинаешь придавать особое значение своим обычным шутливым побегам в лес за ягодами, за грибами, на лесную поляну, по которой вьется задорный лесной ручеек-речушка.

Почему же?

А почему жители этих равнин так равнодушны к видам своей местности. Вот выбежала веселая ватага моих сверстников-ребятишек и резкими криками и помахиванием платочка провожает быстро несущийся поезд.

Неужели и они, выросшие здесь, не замечают красоты окружающей их природы? Неужели и они считают обычным явлением спокойствие необ'ятных равнин, уходящих своими берегами в даль нежного голубого неба?

Вероятно!

Вероятно и они еще не научились любить природу, любить так, чтобы понимать ее ценность, оберегать и чувствовать ее красоту.

Может быть и им придется побывать в наших краях с угрюмыми, трескучими зимами, в наших лесах, посмотреть на наши деревни и села. И, наверное, они будут так же любоваться природой севера, как и мы, высунувшись из окошка вагона, любимся меняющимися видами Украины и Крымского полуострова.

Вот, вот они—мелькающие украинские хаты, словно сошедшие с картинок школьных книг. Они прижались к земле своими белыми приземистыми стенами с небольшими оконцами, под тяжестью больших шапок—соломенных крыш. Словно здоровенькие дети-крепыши, с аккуратно причесанными головками, ласковые и миленькие, привлекающие к себе и радующие своим видом, разбежались белокаменные избы в кругу больших украинских сел. Только какой-нибудь озорник, словно поссорившись со своими товарищами, отделился в сторону и наступил там одиноким хутором.

Несется поезд навстречу новым селам. Скрываются они своими золотистыми головками в зелени фруктовых душистых садов. И сами по себе отчеканиваются в мозгу задушевные, простые обрывки из произведений об Украине:

„Чуден Днепр при тихой погоде...“

„Тиха украинская ночь...“, нежно окутывающая своим темно-синим покрывалом росистые поля, призывая к отдыху от упорного труда летней, горячей страды.

ПЕРВАЯ ВОЗДУШКА

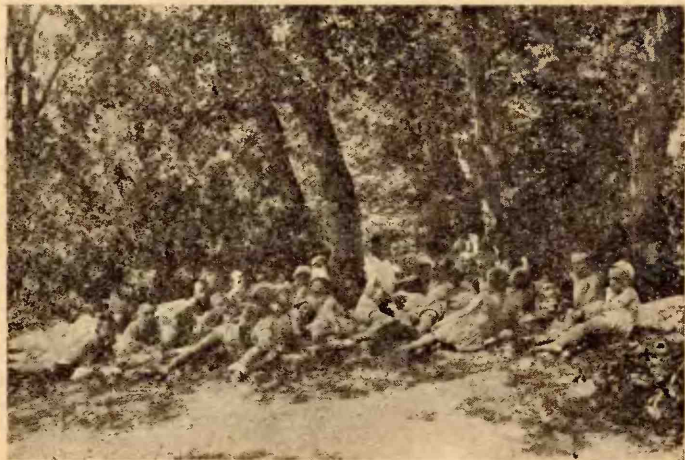
— Когда я был, значит, в последний раз в своем отряде в деревне нашей, то меня послали в больницу. Поди, говорят, там посмотрят тебя. Я и пошел, значит, к дохтуру нашему. А со мною еще было много желающих. Но их не послали, потому не бедняки они были. А мы беднее всех в деревне, да дохтур сказал:

— Тебе, говорит, ехать нужно в Крым. Поезжай, говорит, и поправляй свое здоровье.

На лице двенадцатилетнего рассказчика заиграла улыбка. Он поглядел на своих то-

варищей, разместившихся вокруг него, и продолжал уже более ровным голосом:

— Так вот, значит. Как сказал это мне дохтур-то, я выбежал из больницы да вместе с вожатым к мамке.

Как хорошо дышать крымским воздухом!

— Мамка, кричу, я в Крым еду!

А она, непонятливая, посмотрела на меня, да и шепчет: „Чтой-то ты, говорит, свихнулся что ль. В Крым-то баричи, бывало, ездили, а разве, говорит, нам можно. Что ты?“

— Спроси, говорю, вожатого нашего, коли мне не веришь.

Ну, вожатый-то наш уселся, значит, на скамью и давай ей рассказывать. „Верно, говорит, едет твой Мишутка в Крым, в лагерь-санаторию, значит, направляется. А там-то, говорит, море, солнышко печет, прямо жарит, а воздух-то, говорит, аромат, что ни на есть самый лучший“. И давай и давай. А мамка сидит и плачет.. У меня это, значит, все нутро Крымом переворачивается, а она плачет:

— Баричи, говорит, только ездили, а тут мово Мишутку, да в Крым. Да кого ж это благодарить мне?

— Рыкова, говорю ей, благодарить надо. Это он Ленина замещает и для нас все делает, а вожатый добавляет: „Власть, значит, советскую“.

Ну, вот я и поехал в Крым, а когда в отряде провожали, так тоже плакали многие. Не иначе, как им завидно было.

— Оно верно, что власть советская о нас заботу имеет,—вступила в разговор белокурая девочка.—Я так думаю: при старом режиме не токмо что, а собираться рабочим и крестьянам не давали. Разгоняли. Терпели, терпели рабочие, да с Лениным и устроили

Октябрьскую революцию. А потом Ленин лагерь велел нам сделать. Вот нам его и устроили. В прошлом году моя подруга там была, так она и песенку пела такую:

Лагерь нам устроил РОКК,
Комсомол ему помог.

— Вот, значит, кто выходит! РОКК—это Российское общество Красного Креста. А потом она еще пела:

Пионеры не дремали,
Ему тоже помогали.

— Как же это пионеры-то помогали?

— Так и помогали... Мы, например, в этом году деньги собирали на восстановление Артекского лагеря после землетрясения.

— Это и мы собирали.

— И мы...

— И мы... С кружками ходили, спектакль ставили.

— А самое главное в том, что это лагерь пионерский. Там все по-пионерски делается. Пионеры сами организуют свою жизнь в лагере. И при этом опытом обмениваются и каждый раз чего-нибудь новенького приво-

зят с собой в лагерь. Вот как помогают,— раз'яснил вожатый.—Вы тоже должны свою самодеятельность проявлять.

— Смотря какую самодеятельность, — сквозь смех перебил вожатого лежавший рядом с ним самый маленький пионер.—Вот я вспомнил-то что! Послали это нас в амбулаторию на осмотр, сразу трех: Гришу, Петю Голосова да меня. Идем мы по Ленинской улице и думаем каждый про себя: „Зачем их выделили на обследование, пошел бы я один, меня бы и послали в Артек“. Идем, значит, и как будто сердимся друг на друга. Ну, вот Петя и говорит:

— Я, говорит, обману доктора: скажу ему, что не ем ничего, что живот болит, в горле хрипота подступает, кости ломит и еще что-нибудь придумаю.

А я так подумал: „Нужно правду говорить, к тому же и не обманешь доктора, на то он и доктор“.

— Пришли мы в амбулаторию, они и давай врать. Вот чудаки-то! А меня осмотрел доктор, сам все посмеивается да на меня поглядывает и говорит:

— Хочешь в Артек ехать?

— Конечно хочу, отвечаю ему, а у самого ноги от радости подкосились, так и дрожат, так и дрожат, и унять их не могу. Вот и поехал. А они и ввали, да не поехали. Я так думаю: если бы они не ввали, может быть, кого-нибудь из них и послали.

— Что-то Вася помалкивает,— начал свой рассказ другой пионер.— А у него ведь был такой случай, что и не хочешь, да расскажешь. Ну, да уж я расскажу за него—мы из одного отряда.

— Нам за две недели до отъезда стало известно, что мы в Артек едем. Ну, только у нас и разговоров было, что об Артеке. Всем уши прожужжали. А Василий Иванович наш,— он указал взглядом на Васю,— так увлекся, что каждый день в райком бегал, все спрашивал: не отменили ли его поездку? Когда ехать надо? Наконец сказали нам, чтобы в воскресенье к часу притти в сад—на сборный пункт. А он до того увлекся, что и дни все перепутал. Вместо воскресенья-то в субботу к часу ровнохонько прибежал, запыхался и в полном своем обмундировании дорожном. Прибежал, значит, в сад, смотрит, а там и нет никого. Он туда,

он сюда, думает — опоздал, уехали. Чуть было не заплакал.

И, обернувшись к Васе, спрашивает:

— Верно ведь? Нам рассказал в отряде, а здесь что же молчишь?

Вася смущенно улыбнулся, как бы желая извиниться за свою рассеянность и увлечение Артеком. Проронив куда-то в пространство тихими звуками: „Что ж тут удивительного? Вона как хорошо!“ — он запрокинул руки под голову и снова уставился своими любопытными глазенками в высь, рассматривая сквозь тонкие ветви сосен голубую простыню воздушного приволья. Он, как и все его товарищи по палатке, спокойно лежал на спине и, слушая рассказы ребят, вдыхал легкий сосновый воздух.

Здесь, у подножья Аю-Дага (Медведьгоры), среди низеньких сосен, подложив под себя маты — простынки толстого сурового полотна — и маленькие подушки под головы, расположились пионеры одной из палаток. Сегодня приехавшие накануне в лагерь пионеры принимают одну из оздоровительных процедур — воздушную ванну.

Первые воздушные ванны!

Расположившиеся вокруг большой поляны маленькие площадки душистых сосен приютили под своими ветвями группы пионеров и ласкают их тихим шелестом хвои, задерживая золотые упругие нити—солнечные лучи.

Как хорошо дышать этим воздухом! Как свободно подымается грудь, под напором легких, наполняющихся ровными глубокими вдыханиями! Сколько воздуха!

Лежат ребята, а на их лицах бегают тени улыбок: вспоминают они свой отряд, проводы, дорогу в Крым и радуются, что наконец-то „дорвались“ они до крымского воздуха, до южного солнца, до соленой, горьковатой воды Черного моря.

— Если вы хотите поправить свое здоровье, нужно на воздушных ваннах лежать спокойно, не шевелиться,— поясняет сестра в белом халате, усевшаяся в середине круга ребячьих тел.

— Каждый день,— говорит она,— с 11 часов 45 минут до часу вы будете проводить здесь со мной и со своим вожатым. В нашем лагере на подушках (так мы обыкновенно называем воздушные ванны) каждый

раз бывает что-нибудь интересное, кроме самой процедуры. Ребята должны спокойно лежать и принимать воздушную ванну, а в это время я или вожатый проводит беседу или чтение интересной книжки.

Каждая воздушка неизменно сопровождается этими друзьями пионеров. Разве не интересно прочесть книжку о наших вождях или занимательный рассказ? Разве не интересно поговорить с сестрой о том, как соблюдать личную и общественную гигиену, как оказывать первую помощь? Или, возможно удобнее устроившись и положив перед собой листки бумаги, записывать известные тебе частушки, те частушки, которые поют свои ребята в бывших Ярославской, Орловской, Московской губерниях, в Калмыцкой области.

Бодрые, довольные приятным лекарством — чистым сосновым воздухом — возвращаются ребята к своему лагерю.

ФИЗКУЛЬТ—УРА!

— Ла-герь... внимание! — разносится в утренней прохладе четкая команда дежурного вожатого.

— Равнение на-пра-во! Смир-но! Вожа-тый дежурного звена к флагу. Пионеры... флагу салют!—и, обращаясь к водителю дежурного звена, отдается краткая команда:

— Поднять флаг!

Плавно расправляясь по ветру, поды-мается красный флаг к самой верхушке вы-сокой мачты. Мелкая дробь пяти барабанов как бы усиливается по мере под'ема флага, сопровождаемого двумя сотнями пар глаз пионеров, вытянувшихся ровной шеренгой вдоль дорожки—линейки.

Лагерный день начался.

До под'ема флага пионеры уже успели при-вести в порядок и себя, и свои палатки. Они тщательно вымылись под руководством вра-ча, выстроившись с обеих сторон длинного умывальника с четырьмя десятками кранов.

— Вот ведь как в лагере-то! Если поду-мать, так мы и умываться-то не умеем, как следует. Разве мы так умываемся дома?

Раздетые, в одних трусиках, склонились они перед раковиной умывальника и, воору-жившись мылом и зубными щетками, сгоняют с лица остатки крепкого сна холодной водой.

— Бр-р-р-р! Бр-р-р-р! А-а-х!

— Вот как!

— Эх, здорово!

— До пояса нужно. Шею не забудьте вымыть.

И подходя то к одному, то к другому умывающемуся, доктор показывает, как нужно умываться.

— Вот так. В ушах вымойте. За ушами тоже.

Не менее половины ребят до приезда в лагерь не чистили зубы и теперь только познают значение зубной щетки и пахнущего мятой зубного порошка.

— Небось, домой приедете, опять перестанете зубы чистить? А?

— Ну, что вы, доктор!.. Мы и домашних приучим.

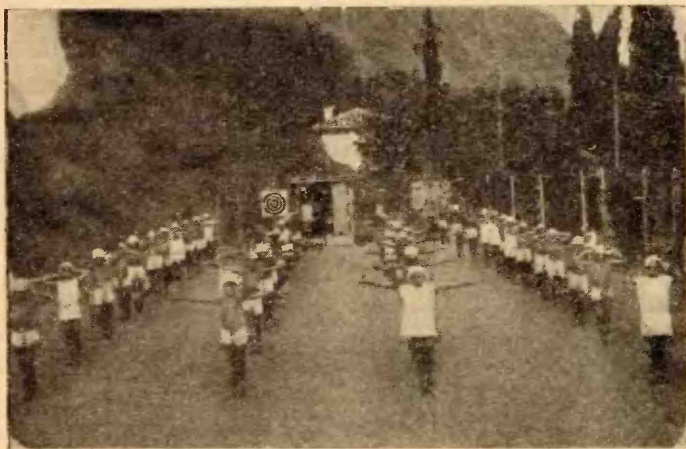
— Дома и умываться-то, как следует, не умеют. Подбегут к рукомойнику, сплеснутся наспех и утираются грязным ручником.

— Вот от душа придется, пожалуй, отказаться, нет у нас его.

— А ты сам сделай во дворе. Летом за мое почтение душ принимать будешь. Я обязательно сделаю из лейки или из ведра.

— Идем, идем скорей, разговорился.

И маленькими группами, подпрыгивая и потряхивая головой с сырыми волосами, бегут ребята к своим палаткам, чтобы, выстроившись шеренгами-гусеницами, направиться на спортивную площадку.

Изгибаются змейками маленькие тела.

— „Кто там шагает правой?

Левой! Левой! Левой!“

— В обход площадки... марш!

— Раз-два, раз-два... Гру-у-п-па... стой!

На вытянутые руки ра-а-зом-кнись!

— Сми-и-рно!

— Делай первое движение! Р-раз-з... два-а-а... три-и-и... че-ты-ре. Р-раз-з... два-а-а... три-и-и... четыре...

Изгибаются змейками маленькие тела, доставая ладонью правой руки большой палец левой ноги, потом выправляются и вновь нагибаются с новой задачей: достать ладонью левой руки большой палец правой ноги.

— Де-е-е-лай р-раз... Де-е-е-лай два... — разносится команда инструктора физкультуры.

— Вдох... выдох... вдох... выдох...

— О-о-от-ставить! Стоять во-оль-но... Следующее упражнение: руки на бедра, пятки вместе, носки врозь, постепенно присесть и подыматься.

— Сми-и-рно! Ру-у-ки на бедра. Р-а-аз... два-а-а...—тянет физкультурник.

И одно упражнение за другим делают пионеры в течение восьми минут, изредка тихонько (чтобы инструктор не заметил) подсмеиваясь над соседом или над собой из-за неправильно сделанного движения. Но, как будто одна большая живая квадратная масса, одновременно поднимаются и опускаются тела, взмахиваются руки, откидываются впе-

ред или вбок уже начинающие темнеть от загара ноги.

— Раз—два... Раз—два...

— Сми-и-рно! В честь физкультуры крикнем громкое „ура“.

— Физкульт- ура! Физкульт- ура! Физкульт- ура-а-а!—разносится в накаляющемся от солнца воздухе.

*

После под'ема флага пионеры направляются в столовую, принимают свой первый горячий завтрак, во время которого дежурный вожатый по лагерю извещает:

— Пятая палатка после первого завтрака идет на осмотр к врачу. Пионеры третьей палатки — после второго завтрака — тоже к врачу.

Тарелки и стаканы быстро очищаются, и столовая остается попрежнему пустынной, чтобы в половине второго вновь посадить за своими столами две сотни поправляющих свое здоровье детей фабричных поселков и деревенских хат.

СРЕДИ ГОР НА БЕРЕГУ МОРЯ

Высоко, высоко, окруженные седыми облаками, вздыбились красивыми, причудливыми очертаниями Крымские горы. Как будто вытянулись они из пепельной кудрявой седины облаков и онемели в величавой задумчивости, храня в своих пещерах, ущельях и долинах незаписанные страницы древних легенд.

Сгрудились они полукругом вокруг небольшого морского залива. Словно изнемогая от жажды, простерли горы к заливу громадные ладони, покрытые вековыми мозолями—холмами и изрезанные глубокими морщинами—оврагами, мельчающими по мере приближения к морю. А на небольших участках желтой, глинистой земли, по холмам меж оврагов и по их склонам, заботливой рукой рассажены ровными рядами виноградники и табачные плантации. Смотришь на них и удивляешься: здесь, в окружении камней, среди выгоревшей, пожелтевшей редкой травы, наливаются сладким соком увесистые кисти янтарного винограда. А там, скрывая за собой очертания отдаленного горного хребта, раскинулся редкостными деревьями

замечательный парк, пятнистый всеми оттенками зелени.

Все ниже и ниже разбегаются горы неровными склонами. Все ближе и ближе пробираются они к морю, постепенно опускаясь в него и скрывая под водой свой дальнейший путь. А от берега громаднейшим голубым полотнищем развернулось безграничное водное пространство.

Когда впервые отражается оно в глазах, из груди вырывается звучный, радостный крик:

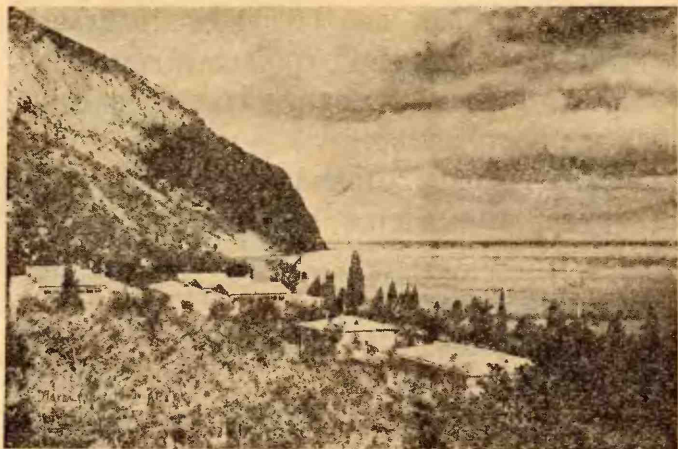
— Море! Море!

— Смотрите, море видно!

— О-о-ох!

И взгляд, растерянно бегая по широкой зеленоватой поверхности, стремится проникнуть в даль ее, бесконечно убегающую в объятия бледно-голубого небосвода. А под ним, ласкающий взор своей бархатной нежностью, под палящими лучами южного солнышка приютился лагерь-санаторий юных пионеров. На самом берегу моря, как бы раздвинув стройные кипарисы, кедры, маслины и другие деревья большого парка, втиснулись новые фанерные дома-палатки всесоюзной

здравницы пионерской. Сто гектаров площади у подножья сходящей к морю горы Медведь—Аю-дага — находятся в распоряжении детей рабочих.

На самом берегу моря—всесоюзная здравница пионерская.

„Об Аю-даге нам рассказывали три легенды. Но одна из них мне понравилась больше других. Ее я и запишу в своем дневнике“, — пишет один из пионеров, находящихся в лагере.

„В далекие времена в Крыму еще не было гор. Население ссорилось, и были кровопро-

литные войны, которых никак нельзя было остановить.

Тогда Аллах, видя, что дело зашло далеко, решил эти войны прекратить. И послал Аллах медведя—чудовище. Где ни встанет медведь, там гора образовывается. Образовавшиеся горы отделяли воюющих друг от друга. Наконец гор стало очень много, войны прекратились, но медведь все ходит и ходит. Тогда Аллах велел медведю окончить работу, но медведь не послушался Аллаха и делал свое дело.

И решил Аллах, зная, что медведь очень любит воду, создать Черное море.

Медведь, завидя воду, бросился к ней и стал ее пить со всей своей жадностью. Пьет, пьет он, а не может все море выпить. Пьет он из него и до сих пор, а все выпить не может“.

Так и лежит Медведь-гора и в наши дни, уткнув свою окаменелую морду в соленую воду, с звериным упрямством намереваясь осушить Черное море.

Но не удастся этого сделать!

Выбегают детишки на берег к его невидимым чудовищным лапам. Усевшись у его

каменных когтей, прислушиваются они к таинственному шопоту ласкающих берег волн или, ворочая мокрые камни, ловят быстро убегających крабов с крепкими клешнями.

Так и лежит Медведь-гора, уткнув окаменелую морду
в соленую воду.

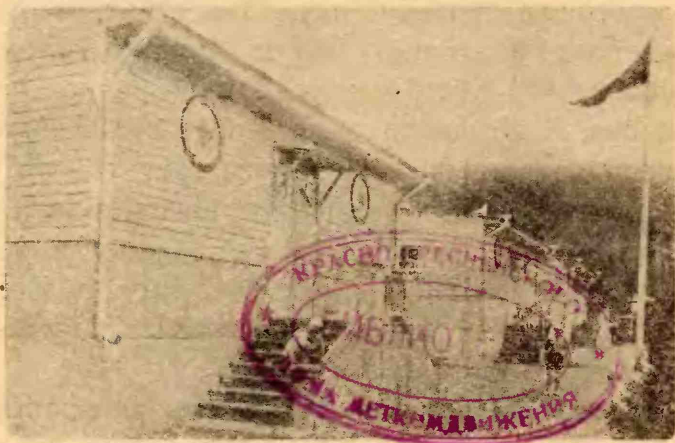
А те из детишек, что меньше других, уставив свои глазенки в прозрачную воду, с детским недоумением на лицах иногда спрашивают друг дружку:

— Разве это море черное? Оно вовсе не черное!

— Почему же оно черным называется?

И, подбежав к кому-либо из взрослых, придавая своим словам возможную серьезность, спрашивают:

— Скажите, пожалуйста, это черное море или белое?

По три в ряд стоят шесть светлых и очень удобных домов-палаток.

*

„Наконец-то я в Крыму! А сколько времени я этого ждал. Нахожусь в Артеке, в пионерском лагере.

Что за место! Море! Горы, тонущие в облаках! Южная растительность!

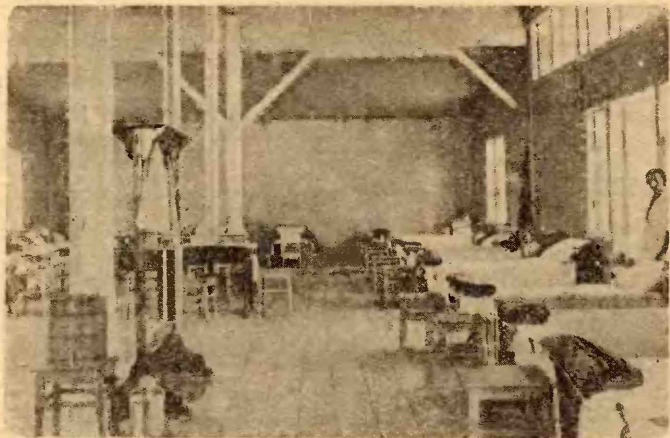
Лагерь превзошел все мои предположения. Он оказался лучше, чем я ожидал.

Живет в лагере двести человек мальчиков и девочек. Лагерь находится на самом берегу моря. По берегу тянется аллея из кипарисов и туй, обставленная скамейками. За аллеей на ровной площадке стоят шесть светлых и очень удобных домов-палаток, только что выстроенных. Стоят они по три в ряд. В каждой палатке живет по 35 пионеров, а с вожатым 36 человек. Для каждого пионера имеется отдельная кровать, с двумя простынями, тюфяком, теплым одеялом, и подушка. Отдельная кружка, мыло, зубная щетка, зубной порошок, полотенце и рукавичка для обтирания“.

Такие строки записаны в дневнике почти у каждого пионера. В этих строках, в этих простых детских словах вложено столько радости, удовлетворения, любви к своему Артеку, к своему санаторию-лагерю!

В лагере все предусмотрено. В нем отведено время не только для принятия оздоровительных процедур, для осмотров врачей, но и для воспитательной работы. Воспитательная работа построена на всемерном про-

явлении детской активности, самостоятельности, инициативы. Запросы и интересы детей внимательно учитываются. Воспитательная работа умело сочетается с оздоровительной.

В каждой палатке живет по 35 пионеров.

Оздоровительная работа без воспитательной и воспитательная работа без оздоровительной немислимы в пионерском лагере. И в Артекском лагере-санатории они также срослись воедино и оказывают благотворное влияние на отдыхающих красногрудых большевичат. Здесь выдвигаются новые формы

работы, распространяющиеся не только по 35 лагерям-санаториям, вновь организованным в СССР к 1928 году по типу Артекского, но проникающие в повседневную, обыденную жизнь пионерских отрядов, оживляя их деятельность, заинтересовывая ею десятки тысяч детей.

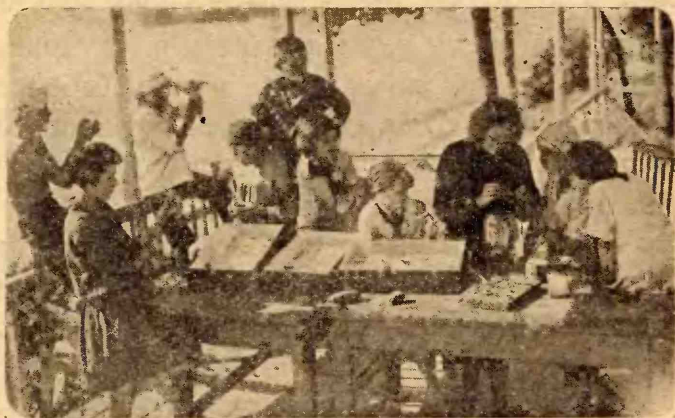
„Уже около трех месяцев, как мы в лагере. За это время было много интересного, хорошего. В особенности нам нравятся костры, которые здесь бывают очень часто и очень умело и интересно проводятся. Костры эти проводятся так, чтобы ребята могли все это передать в свои отряды. Здесь тебе „костер шевели мозгами“, „костер подпольных песен“ и т. д. Все это для нас ново“.

„Нового“ в Артекском лагере много! Много и „старого“, с которым встречались пионеры и в своих отрядах. Но это „старое“ подновлено. Здесь над „старым“ работают, думают, творят, проводят его по-новому, так что оно заинтересовывает ребят, увлекает их.

К вечеру, после мертвого часа и вечернего чая, лагерь превращается в клуб.

Время с 4¹/₂ до 7 часов отведено для клубной работы.

И если вы, приехавши в лагерь, чтобы познакомиться с его жизнью, подойдете к любому пионеру и спросите его:

Детскими руками составляются гербарии и коллекции.

— Где у вас клуб?

Он, указав на восточную часть территории лагеря, где виднеется небольшой домик, скажет:

— Вот наш клуб. Не подумайте, что наш клуб в этом домике. Там только музей, библиотека, комната, где складываются игры и инструменты. Нашим клубом является все,

что находится вокруг этого домика, под пристроенными к нему навесами и на открытом воздухе.

С одной стороны виднеются румяные, загорелые лица большой группы ребят, которая окружила небольшие столики. На этих столиках видны листья деревьев, растения, листы бумаги, нитки, клей, жучки, бабочки, булавки, из которых детскими руками составляются гербарии, коллекции для лагерного музея и для своих отрядов.

Каждый пионер обыкновенно увозит из Крыма приличную коллекцию того, что может интересовать его товарищей, что сможет рассказать им хоть что-нибудь о Крыме.

Среди детей видна руководительница—естествовед-педагог, так же, как и дети, увлеченная работой, сроднившаяся с ними своей помощью им в определении растений, насекомых, в устройстве коллекций.

Несколько ниже, под открытым небом, за столами, установленными среди зеленых кустов, наклонились головы над кусками фанеры. На лицах отражено упорное желание преобразить эти куски фанеры в разукрашенные узорами полочки, рамочки, ящички

при посредстве лобзика с пилкой и аккуратности своей работы.

С другой стороны долетают звуки струн балалаечного кружка или завоевавшего свой нерушимый авторитет шумового оркестра. Под управлением Саши-клубного—практического клубного работника—шумовой оркестр слагает тресканье, щелканье и жужжание ложек, гребенок, бубнов, колокольчиков в стройные мотивы любимых песен.

Под большим навесом устроились группы играющих в настольные игры и виднеются пары, сосредоточившиеся на многозначачих для исхода борьбы шахматных фигурах.

Каждый занимается тем, что его интересует, что ему больше всего нравится.

Вот растянулась шеренга „боевиков“, записавшаяся в военный кружок. Подошедший старший товарищ — руководитель воспитательной работы, заметив явное „нарушение дисциплины“ в рядах военного кружка, обращается к нему с полушутливой речью.

— Первый полк Артека, гордость крымского гарнизона... Смир-р-но! В ваших рядах чувствуется недостаток дисциплины. Вы должны поставить своей задачей, чтобы наш бое-

вой полк не потерял своих славных традиций и с честью вышел для демонстрации своих знаний по топографии, разведке, стрельбе, связи в дни приближающейся недели обороны. В связи с ее проведением вы должны повысить свою бдительность. Я надеюсь, что с этим вы справитесь. Будьте готовы!

— Всегда готовы!

— Наш полк разбивается на две роты, в каждой по 25 человек. В роте 5 взводов по 5 человек. Взводы выбирают своих взводных командиров.

— Сегодня занимаемся стрельбой.

Выстроившись около отведенного для стрельбы места, пионеры поочередно подходят к ружьям.

— З-з-зах!

— З-з-зах!

И вслед за этим вырываются возгласы:

— Мимо!

— За молоком!

— Попал. Пять выбил.

А на другой площадке мелькают десятки тел в погоне за баскетбольным мячом, подгоняя его на руках к кольцу с сеткой, и

после удачной пасовки ловким ударом направляют мяч в это кольцо.

— Двенадцать на восемь.

— Вторая палатка отстает.

*

— Раз-з! Гр-р-р-р!

Доносятся резкие удары городков с соседней площадки.

А на другой сгрудившиеся девочки и мальчики стараются пробежать под вертящейся веревкой так, чтобы не задеть ее.

Здесь же взлетают вверх кольца серсо, играют в лапту, периодически отвлекаясь от сосредоточенности на полете мяча спорами о том, осалили или не осалили такого-то.

— В ногу попал!

— Какая тебе нога? Я не чувствовал.

— Как же ты мог попасть, если мяч незнамо куда улетел?

— В самую пятку осалил!

— Осалил! Осалил!

*

К семи часам, перед ужином, стекаются все к музею, стоящему несколько на отлете от палаток лагеря и находящемуся в центре

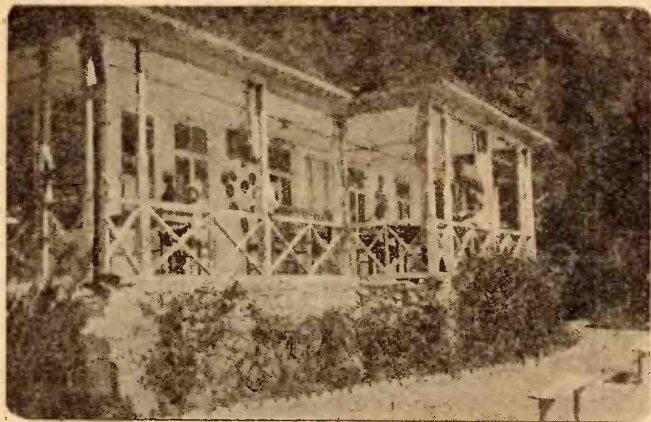

клубной деятельности. Музей сохранил еще до наших дней среди местного татарского населения название „Чортового домика“. К этому старому, заново отделанному домику, опускающему в море высокое гранитное укрепление берега с устроенной на нем верандой-читальней, стекаются пионеры, чтобы сложить в нем „свои клубные принадлежности“. И тогда, видя как подбираются к гранитному укреплению свирепеющие волны вдруг разбушевавшегося моря, вспоминают пионеры о том, почему этому дому присвоено такое страшное легендарное название.

„На этих днях наш старший врач Федор Федорович Шишмарев рассказал нам несколько интересных легенд о Крыме. Одна из этих легенд является легендой о „Чортовом домике“.

„Во Франции у королевы Марии пропало подаренное ей ожерелье. Когда это ожерелье стали искать, то нашли его у самой приближенной к королеве женщины. Чтобы наказать, ее должны были заклеить в лоб. Но чтобы избежать позора, она бежала из Франции в Россию и поселилась в Крыму в этом

домике. Это было до Великой французской революции. В то время море подходило к самому домику. В его же веранде и в самом доме имеются подвалы.

В „Чертовом домике“ занимаются пионеры, не боясь никаких чертей.

По преданиям, эта женщина, графиня де-Ламот, бросилась с веранды в море и утопилась. Когда был прибой, волны, вливаясь и выливаясь из подвала, издавали различные, как-будто человеческие и нечеловеческие звуки, заглушенные крики, стоны.

Рыбаки боялись под'езжать к этому месту, думая, что это дело чорта, но впоследствии,

много лет спустя, когда море отошло, стало ясно, отчего все это происходит.

Так этот дом получил название „Чортова домика“. Но в нем теперь занимаются пионеры, не боясь никаких чертей.“

КАК ПРИЯТНО ЗДЕСЬ КУПАТЬСЯ

Не всегда одинаковым бывает море. Бывает, что в течение одного дня изменяется его широкая физиономия; расплылась она, гладкая, откормленная, в веселой улыбке, потом вдруг заморщится мелкой веснущатой рябью и, словно рассердившись из-за чего-то, нахмурится, почернеет, сведет длинные, высокие брови набегающими к берегу волнами и разругается с камнями, мешающими беспрепятственно заливать отлогие части берега.

А если встретятся на пути разбушевавшихся волн выскочившие из воды каменные утесы или просто валуны немалой величины, схватятся они в жестокой битве за свою самостоятельность и брызжутся слюной, яростно скрежеща, увлеченные силой своих ударов. Разлетаются искрами брызги от грозной волны, набежавшей на каменную пре-

граду, а вдали уже показываются еще и еще приближающиеся валы взбесившегося моря, огрызаясь на своих гребнях большими рядами зубов. Несутся волны одна за другой, жилится каждая из них избытком силы и, не добежавши немного до берега, выиграет перед предстоящей схваткой, подыметя стеной, выгнется внутрь, накренится разозлившимся верхом и, захлестнув собой встретившийся на пути плешивый валун, с силой ударится о берег, взбегая по нему, и, с рокотом перебирая мелкие камешки, возвращается обратно. Стекает обратно в море небольшими ручейками обессиленная после удара и потерявшая свою удаль вода, а на помощь ей набегают новые волны, захватывает с собой уходящую на отдых и вновь набрасывается на берег, ограничивший простор моря...

— А-а-ах!

— О-о-ох!

Сердится, ругается, стонет море, а затем, уставши от борьбы, начнет успокаиваться, хмурясь на горы и каменные укрепления берега, не дающего еще шире разлиться, еще вольготней потешиться своею удалью.

Спрячутся волны за далеким горизонтом, отбегут в глубь моря, а оно задумается в нашедшей на него неповоротливости, выпится спокойно, распластавшись под голубым покрывалом неба, и, пригревшись под лучами жаркого солнышка, заулыбается, засмеется приветливой улыбкой по зеркальной поверхности. А вдали белеют паруса затерявшейся шхуны или вырисовывается силуэт большого парового судна, да невдалеке от берега показываются выгибающиеся хребты дельфинов и вновь пропадают в воде. Нежится море в лучах южного солнышка, и вместе с ним набираются солнечной бодростью распластавшиеся по берегу тела отдыхающих.

Печет солнышко. Бронзовым загаром оседает на детских телах, и кажется, что не только чувствуешь, но и видишь его теплоту. словно от тающего сахара в стакане воды расплзается сладкий сок мелкими кудряшками, или сироп, разбавленный водой, расплзается в ней нитями, сплетаясь узелками в кружева тончайшей работы. Так и тут, на берегу моря, кажется, что лежишь ты на дне громадного сосуда и в воздухе, наполняющем его, расплзается кудряшками

теплота тающего солнца, обвивая прозрачными кружевами темнеющие загаром неподвижные тела.

Только через установленное врачом количество минут, по сигналу сестер, наблюдающих за правильным принятием солнечных ванн, переворачиваются они со спины на бок, затем на грудь и на другой бок, а потом встрепенутся, вскочат и побегут по накалившимся камешкам пляжа к воде, чтобы броситься в нее, забрызгаться, заплескаться и поплыть от берега в перегонки со своими товарищами.

Звонким смехом и голосами разносится по поверхности моря детская радость, а сестры, наблюдая с берега за ребячьей резвостью, безжалостно ограничивают время принятия столь приятной, оздоровительной процедуры.

Разносится визгливое мурлыканье их свистков с короткими пояснениями.

— Кому разрешено три минуты — выходить.

— Кому разрешено пять минут — выходить.

Не хочется ребятам расставаться с морем, не хочется выходить на берег. Если бы не сестра, поплескались бы еще в соленой, освежающей водичке. Хоть минуту, хоть бы полминуты, но еще немножко, чуть-чуть...

— Неужели все минуты?

— Скоро что-то...

И, нехотя, выходят на берег, нарочно спотыкаясь, чтобы еще разок бултыхнуться и окатиться брызгами.

Но строгая сестра... ух какая строгая! Ни минутки, ни полминутки не разрешает, а то возьмет да и не разрешит на следующий раз купаться.

— Это еще хуже!

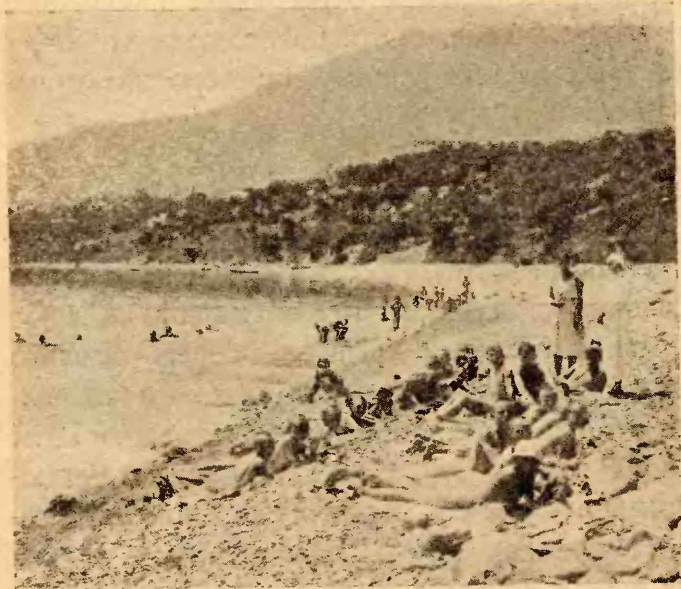
И, как нарочно, строгой бывает сестра во время купанья. Всегда добрая, веселая, во всем и везде с ребятами,—а как купаться, так и насупится.

— Что бы наоборот! Хоть разок раздобрилась на купанье.

Выбежали ребятки на берег, обтерлись полотенцем, всунулись в трусики, сложили маты, на которых принимали солнечные ванны, и, окружив опять добрую, переставшую быть сердитой сестру, направляются к па-

латкам, чтобы, получив второй завтрак, итти принимать воздушные ванны.

„Мы на солнце загорели,
Словно негры почернели...“

Как приятно здесь купаться и здоровья набираться.

звонят детскими голосами на мотив „жура-жура-журавель“ куплеты любимой лагерной песни.

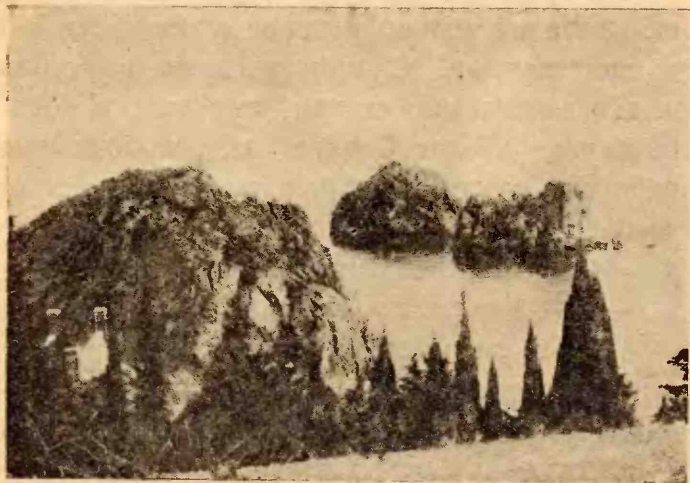
„Как приятно здесь купаться
И здоровья набираться.
Наш Артек, наш Артек,
Не забудем тебя век“.

А море, прислушиваясь к уже знакомому мотиву, шепчется с береговыми камешками и манит к себе, притягивает, дразнит своих веселых гостей, успев с ними сродниться незабываемой дружбой.

ПО ОКРЕСТНОСТЯМ ЛАГЕРЯ

Напротив того места, где пригрелись под солнцем омываемые кругом скалы „Одалары“ („Два брата“), украшает берег зеленью парка ближайший сосед Артекского лагеря-санатория юных пионеров—дом отдыха ЦИК СССР „Суук-Су“. С коммунарами, отдыхающими в Суук-Су, установлена пионерами лагеря крепкая связь. Каждая новая группа пионеров обязательно посещает отдыхающих большевиков, а „сууксинцы“ очень часто по-двое, по-трое, прогуливаясь по берегу, заходят в лагерь знакомиться с его жизнью и сами молодеют вместе с подрастающей сменой. Многие старые большевики приходят

в лагерь к вечернему пионерскому костру и, усевшись около него, в кругу красногрудых большевичат, рассказывают им захватывающие воспоминания о своей подпольной работе, о тюрьмах, о ссылках, о побегах.

Пригрелись под солнцем омываемые морем „Два брата“.

И из месяца в месяц, с приходом новых групп отдыхающих и в Суук-Су, и в лагерь пионеров, укрепляется между ними давно установившаяся смычка.

„Несколько дней назад,—записывает пионер в своем дневнике,—наш лагерь ходил

к отдыхающим коммунарам в дом отдыха ЦИК—Суук-Су. Отрядами с барабанами, горнами и знаменами мы двинулись в путь. Через полчаса мы были в Суук-Су и, выстроившись у веранды, слушали приветствия.

Интересно то, что в это время в Суук-Су отдыхали не только русские коммунары, но и иностранные. С приветствием выступил шестидесятилетний старик—англичанин, который уже 35 лет борется за освобождение рабочего класса. Говорил он на немецком языке, а по-русски закончил:

— Да здравствует юни пионер!

— Да здравствует красная ССР!

— Да здравствует Международная революция!

Громкие аплодисменты покрыли его слова.

Выступали еще германка, болгарка и многие другие.

После этого нас угостили чаем с пирожными, и мы, подхватив отдыхающих, пошли в парк.

Я шел с болгаркой. Она спрашивала, как меня зовут, и разговаривала со мной. По огромному парку везде виднелись веселые лица пионеров, которые все время таскали

с собой отдыхающих. Залезали в крепость, которая стоит на скале. Влезали на скалу, которая далеко вдаётся в море. А отдыхающие то и дело, улыбаясь, говорили:

— Что ртуть—живой народ эти пионеры.

Осмотрев парк, мы все собрались на площадке и провели вечер самодеятельности, с выступлением шумового оркестра.

Англичанина пионеры всего как есть увешали цветами, так что на нем не осталось живого места.

После хорошо проведенного вечера, выстроившись и прокричав по слогам: „До сви-да-ния и про-сим до-ро-гих гос-тей в ла-герь“, под несмолкаемые крики „Ура-а-а!“ мы двинулись обратно. Усталые, но довольные и веселые, мы вернулись в Артек.

В воскресенье сууксинцы посетили нас.

Ходили по лагерю, все осматривали, сотни раз фотографировали.

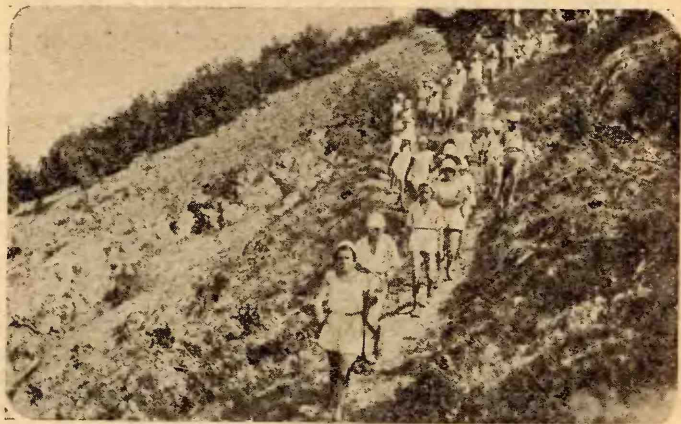
А вечером был костер“.

Часто пионеры направляются экскурсией по окрестностям лагеря. Ходят в ближайшие татарские деревни, знакомятся с бытом та-

тар-крестьян, с производством вина, с обработкой табака, играют с ребятами.

Все это заинтересовывает экскурсантов. Они узнают не только о том, что население Крыма занимается садоводством, земледе-

Часто пионеры направляются экскурсией по окрестностям лагеря.

лием — возделывает табачные плантации и виноградники, но узнают и о том, как происходит обработка этих продуктов, как из сочных, тяжелых кистей винограда добывается вино, как из широких зеленых табачных листьев обрабатывается желтый душистый табак.

Около лагеря установлен рыбачий невод— большая сеть, натянутая в воде между четырьмя столбами. На двух из них устроены площадки, на которых дежурят рыбаки, наблюдая за движением рыбы.

С уловом.

Подойдет стадо кефали—рыбаки на-чеку. Края трех сторон сети поднимаются над водой, а четвертая опущена, чтобы через нее могло войти стадо рыбы в рамки сети. Войдет рыба, подыметя край четвертой сторо-

ны сети, и под'езжают рыбаки, чтобы, подбирая под лодку сеть, загнать рыбу в одну из сторон и выкинуть ее, серебристую, бьющуюся, на дно лодок.

Бывают хорошие уловы—десятки, сотни пудов за один под'ем сети. Обступят пионеры рыбаков, любуются на груды играющей чешуей рыбы.

Рыбный промысел является одним из источников существования крымского населения.

*

Пионерская организация об'единяет детей и в деревнях Крыма. Почти еженедельно приходят в лагерь местные пионеры-татары и проводят вечера в товарищеском кругу детей, с'ехавшихся со всех концов СССР. Они обмениваются своим опытом, показывают результаты своей работы, отплясывая национальные танцы и распевая свои крымские, российские, украинские, калмыцкие песни.

Артекские же пионеры во время своих экскурсий прежде всего заводят знакомство с местной ребятней. И ежемесячно каждая

новая группа приехавших в лагерь посещает близлежащее местечко Гурзуф.

„Вчера мы ходили на экскурсию в Гурзуф. После мертвого часа двинулись в путь. Быстро достигли Гурзуфа, остановились около старого татарского кладбища, где по преданию татар погребен один святой. Этот святой будто бы покровительствует женщинам при родах. На кладбище над могилой „святого“ стоит огромное дерево. Каждая женщина после родов должна оторвать кусок своей одежды и повесить на это дерево.

Входим в Гурзуф.

По правую сторону улицы возвышается белая татарская мечеть. Эта мечеть самая красивая в Крыму. Она называется „Дворец чудес“. Интересно бы побыть внутри нее, но с наружной стороны она очень красива.

На звуки барабанов и горнов изо всех домов и лавок высыпал народ. Кажется, что весь Гурзуф собрался встречать пионеров.

Входим в парк военно-курортной станции. В доме сейчас спят. Тихо под руководством одного командира прошли мы в парк.

Огромный, красивый парк, с громадными веерными пальмами и многими другими ра-

стениями. В парке находится дом А. С. Пушкина. Когда-то в нем жил А. С. Пушкин. Около дома находится огромное дерево. Под его ветвями можно накрыть стол, за которым может уместиться 150 человек.

Дом А. С. Пушкина весь в кипарисах. Один, самый большой, называется кипарис Пушкина. Дом Пушкина немного пострадал от землетрясения, но он еще сохранился как памятник.

За домом Пушкина находятся оранжереи военно-курортной станции. В одной оранжерее находятся четыре пальмы; одной из них 120 лет, другой 80 лет, третьей 100 лет и четвертой 150 лет, и они все время растут так, что приходится копать вниз землю, а теперь поднимать крышу. В другой оранжерее находятся много южных деревьев: лимоны, апельсины, олеандры, чайное дерево и другие.

После осмотра парка мы собрались на площадке. Военно-курортная станция преподнесла нам подарки: винтовку, барабан, военно-морскую игру и несколько книг.

Мы сделали несколько выступлений и двинулись в обратный путь“.

У КОСТРА

Вечером, после того как прохладу спускающихся на землю сумерек прорежет звон колокола, призывающего пионеров к ужину, после того, как под навесом столовой отстучат ложки и вилки, пионеры, захватив скамейки, бегут на площадку. Они рассаживаются тесным кругом вокруг груды хвороста, обложенного камнями и желтым кольцом цветов.

Все гуще и гуще становятся вечерние сумерки. Они окутывают лагерь нежным темным бархатом одеяла ночи. Приближается южная теплая ночь, постепенно зажигая на своем фоне яркие мигающие лампочки — звездочки. На склоны гор набегают тени, страша своей таинственностью и неизвестностью. Но здесь, в дружном коллективе, около пылающего большого костра слышатся крики веселья, смех, говор.

Очередной костер зажигается.

Организуя движением руки Сашкильного или старшего вожатого Миши во-

дворяется тишина под четкие выкрики собравшихся.

Ти-ше Гри-ши,
Ко-ли, Ми-ши,
Са-ши, Ма-ши,
Пио-неры на-ши!

— Сегодня „костер самодеятельности“. Каждый должен принять в нем участие.

И один за другим выходят пионеры декламировать стихи, петь песни, играть на балалайках.

По смоченному песку площадки вокруг пылающего костра вихрем носятся танцоры, лихо отплясывающие русскую под треньканье балалайки и звон мандолины.

— Гип!..

— Га-а.

— В присядку, в присядку!

— Во как! Здорово!

— Гип...

— Гип...

Щелкающая дробь дружных аплодисментов награждает запыхавшихся танцоров.

— А теперь, — об'являет Саша-клубный, — давайте что-либо сделаем все вместе. Нужно,

чтобы в ходу были и наши глотки и наши ноги. Поразмяться нужно, а то засиделись.

— Давайте, давайте!

— Мы попробуем провести новую массовую игру. Я вам буду рассказывать про двух охотников, про хорошего охотника Ваню и про вихлястого Саню. Если Ваня будет стрелять в зверя или птицу, вы должны встать и подражать этому животному. Если Саня—должны сидеть и молчать. Вожатые встанут против вас и будут подсчитывать количество сделанных каждой группой ошибок. Та группа, у которой окажется ошибок меньше всех, получает приз. Понятно?

— Понятно! Понятно!

— Мы начинаем.

Саша клубный сделал серьезное лицо, выставил правую ногу вперед и, как будто не замечая настороживших свое внимание и вытянувших к нему лица ребят, начал свой рассказ.

— Жили-были два заядлых охотника. Один хороший стрелок—Ваня и другой, что ни выстрел, то промах,—Саня. Вот собрались они однажды на охоту. Решили итти на Аю-даг. Все приготовили, выпались на

сеновале и, захватив с собою собаку Чемберлена...

— Гав! Гав! Гав!

—... отправились в путь. Взяли еще с собой собаку Трезвона.

— Гав! Гав! Гав! — опять закричали ребята.

—... которая выскочила из конуры, понеслась вперед, задрав хвост, и вспугнула дремавших на дереве ворон...

— Кар-р! Кар-р!

—... и мирно мурлыкавшую, свернувшуюся комочком кошку.

— Мяу... Мяу...

— Вот идут Ваня и Саня и видят стадо коров.

— Му-у-у... Му-у-у...

— Невдалеке от которых улеглось стадо овец.

— Бя-я-а-а-а... бя-я-а-а-а...

— Увидал Ваня на склоне Аю-дага дикую козу...

— Бе-е-е-е... бе-е-е-е...

—... и говорит Сане: уж больно мне охота убить ее. Прицелился Ваня да как ахнет...

Ребята вскочили с скамеек и, радуясь, что не прозевали нужный момент, еще раз заблеяли по-козлиному.

— Бе-е-е-е... бе-е-е-е...

— Саня же, — продолжает Саша клубный, — увидал буйвола.

— ....

Молчат ребята и только отдельные голоса невнимательных прокричали слабенькое „му-у-у...“.

Вожатые запоминают ошибки группы с тем, чтобы потом об'явить результат.

Долго продолжается еще рассказ Саши клубного, который, не взирая на внимательные взоры ребят, расхаживает вокруг костра и, как ни в чем не бывало, упоминает имена охотников и названия животных. Ребята же перебивают его подражанием животным, довольные, что не „проморгали“.

„Костер страха“ освещает красным заревом лица пионеров, внимательно слушающих старшего вожатого Мишу.

Миша Зак—представитель Центрального бюро юных пионеров и руководитель воспитательной работой лагеря. Был однажды с ним такой казус.

Приехала новая группа пионеров. Один из пионеров подходит к кому-то из взрослых и спрашивает его:

— Скажите, как фамилия Мише Заку?

— Зак,—отвечает ему удивившийся товарищ.

— Ну!.. Вы меня не проведете. Зак—это не фамилия.

— Как же не фамилия? Что же?

— Зак—это значит заведующий Артекской колонией.

— Кто тебе сказал?

— Сам знаю. З—заведующий, а—артекской, к—колонией, а сокращенно—Зак.

— Какая же колония? Это лагерь. И потом не он заведующий, а старший врач Федор Федорович. Зак—это и есть Мишина фамилия.

Так вот этот Миша Зак открывает сегодняшний костер—„костер страха“.

— Каждый из нас,—говорит он,—испытал страх. С каждым из нас был такой случай, который никогда не забывается. Вот давайте и расскажем об этом во время сегодняшнего костра. Во время этих рассказов мы узнаем, что страх бывает от неизвест-

ности, оттого, что не знаешь, что с тобой будет. Идешь, например, по лесу ночью, и вдруг что-то хрустнет. В голову полезет все, что угодно: и не зверь ли это какой, и не разбойник ли, а на самом деле никого нет—сучок тихонько хрустнул от ветра, или лист прошелестел, падая с дерева.

Мы — пионеры — должны знать, отчего бывает страх, чтобы не лезли в голову всякие черти, ведьмы, бабы-яги, колдуны и чтобы другим раз'яснять это.

Вот я вам расскажу для начала парочку случаев, когда я испытал страх.

Было это в 1922 году в Самаре. Мы тогда организовывали первые отряды пионеров. С одним из этих первых отрядов пришлось мне итти в экскурсию на ночь.

Пошли. Дорогой занимались разбором растений, разговаривали на разные темы, а к вечеру остановились на лужайке, разожгли костер, так же, как и сейчас вот, и начали проводить беседу о предрассудках, о чертях, о покойниках, будто вылезających из могил, о том, что ничего этого не бывает. Беседуем мы около костра, над ним подвешен котелок с картошкой, в золу тоже

картошка закопана—печется, а ночь темная, темная,—ни зги не видать, как говорится.

Вдруг в темноте недалеко от нас блеснул огонек, и потом появился большой человеческий череп, а впадины глаз освещены красным цветом. Я как стоял, так и остался. Смотрю на череп, а по спине мурашки бегают. Никак не могу сообразить, в чем дело. Ребята тоже затихли, прижались друг к дружке и смотрят. А череп весь освещенный, выделяющийся в темноте, потихоньку приближается к нам: все ближе и ближе... Через минуту один из пионеров поднялся и пошел к черепу, скрывшись в темноте...

Пионеры смотрят на Мишу в ожидании результата этой истории с черепом, так неожиданно появившимся перед самарскими ребятами, но многие уже начинают подсмеиваться, как бы догадываясь, в чем тут дело.

— Конечно, никакого черепа в самом деле не было,—продолжает Миша. — Ушедший к черепу пионер вскоре позвал нас, и мы увидели большой арбуз с хорошо вырезанными впадинами. Оказывается, один из пионеров, вероятно, под впечатлением на-

шей беседы, решил доказать тут же, что никаких покойников не появляется на земле. Он взял арбуз, обделал его, вставил в вырезы глаз два горящих угля, и у него получился тот самый череп, которого мы так испугались.

Ребята громко вздохнули, разрешив задачу с черепом, засмеялись и придвинулись поближе к пылающему костру,

— Другой случай, когда я испытал страх очень сильно,— начал Миша,— был со мной в 1920 году во время крушения поезда. Мы ехали в воинском эшелоне. Разместились в теплушках, которые были все увешаны зеленью и разрисованы плакатами: „Долой буржуазию“, „Вперед на бой за мировую революцию“ и другими. Теплушки мерно покачиваются, поскрипывают, а мы заливаемся боевыми песнями. Некоторые товарищи уселись на полу у входа в теплушку, свесив ноги на волю. Вдруг кто-то из наших товарищей заметил, что поезд раз'единился и половина вагонов, отцепившись от передних, стала от них отделяться. Наша теплушка была в середине отцепившихся, голова поезда удалялась от нас. По теплушкам затрещали вы-

стрелы—мы начали стрелять, чтобы дать сигнал о случившемся. Машинист же решил, что это дается сигнал о необходимости остановить поезд и, не видя в чем дело, так как из-за ветвей и плакатов, развешенных по вагонам, нельзя было видеть весь поезд,— он остановил паровоз.

Это было еще хуже. Наши вагоны, отставшие от головы поезда, катились вперед и, догнав отцепившиеся вагоны с паровозом, с грохотом ударились о них. Поднялся неимоверный грохот, треск ломающихся и сваливающихся под откос вагонов. Мы оказались под их обломками.

И вот я хочу вам сказать, что мне не было страшно ни тогда, когда я лежал под этими обломками, смутно слыша стоны товарищей, ни тогда, когда, выбравшись из обломков и взглянув на себя, увидел, что я весь в крови. Мне не было так страшно, как в тот момент, когда столкнулись вагоны. Здесь я уже видел, что сделалось с нашими теплушками, со мной, я знал, что нужно делать дальше. Но вы представьте себе: вот три вагона; передний уперся в остановившиеся, задний напирает, и под их давлением

средний вагон начинает медленно выжиматься, поднимаясь вверх. Его жмет, колеса отделяются от рельс, вагон повис в воздухе и потом уже с грохотом падает под откос. И тот момент, когда вагон поднимался, был самым страшным моментом. Мы не знали, что с ним будет; раздавит ли нас вместе с вагоном, рухнет ли он вниз, останемся ли мы живы или... еще момент—и нас не будет.

Эти несколько секунд были самыми страшными.

Вот вам второй случай, когда я испытал страх. А теперь рассказывайте вы. Кто хочет—поднимите руку.

Желающих рассказывать много.

К костру выходит пионерка-болгарка из группы отдыхающих в Артеке детей болгарских революционеров, казненных и заключенных в тюрьмы.

— Со мной был такой случай, — начала она свой рассказ.—Мама была заключена в тюрьму, и так как у нас в семье больше никого не было, мне разрешили быть вместе с ней. В это время в городе было волнение, и мама должна была передать какое-то письмо для коммунистической организации.

Но как его передать?

В тюрьме установили очень строгий режим. Даже при выходе на пятнадцатиминутную прогулку и при возвращении с нее заключенных подвергали строжайшему обыску. А о тех редких посетителях, когда разрешалось свидание, и говорить, конечно, не приходится.

Я решилась взяться за выполнение этой задачи, пользуясь тем, что каждое утро мне можно было выходить из тюрьмы для посещения школы. Я подумала о том, как это лучше сделать, и решила: завтра я должна нарочно задержаться в камере и затем быстро пройти. Когда меня остановят для того, чтобы произвести обыск, я заявлю, что мне нельзя задерживаться, так как я и так опоздала в школу.

На другой день я так и сделала. Нарочно осталась в камере дольше, чем это полагается и затем, положив письмо в книжку, быстро пошла по тюремному коридору к выходу. Когда я хотела пронырнуть мимо надзирателей, они остановили меня и, приблизившись, стали обыскивать. Я вся задрожала от испуга, побледнела и закричала:

— У меня ничего нет! Отпустите! Ничего у меня нет!

— А вот посмотрим сейчас... — заявил надзиратель.

— Ничего у меня нет! Дайте пройти. Я и так опаздываю...

И тут в голову пришла другая мысль: я решила, что если я опаздываю в школу, то это еще не так убедительно для тюремщиков, но если я скажу, что я опаздываю в церковь, возможно это подействует на них лучше. Я вся дрожала, не зная, что со мной будет и найдут ли, в конце концов, надзиратели спрятанное в книжках письмо.

— Я опаздываю! — кричала я. — Мне в церковь нужно причаститься. Я голодала целый день перед принятием причастия. Неужели еще раз придется! Пустите же...

— Сейчас, сейчас... — спокойно проговорил надзиратель, — но, как видно, мои выдуманные доводы все же подействовали на них, и они, быстро пробежав руками по одежде, разрешили мне итти. Я выбежала из тюрьмы и, оправившись от страха, обрадовалась, что письмо не было обнаружено, что моя выдумка все же принесла в этом пользу, и по-

бежала в условленное место для передачи письма.

Это было самое страшное в моей жизни. — И десятилетняя девочка пошла к своей группе, уселась на табуретке, внимательно слушая следующего рассказчика.

КОСТЕР РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОЛГАРИИ

Как всегда, приближающаяся ночь благоухала своей свежестью. Красный, холодный круг луны показался на горизонте и, медленно отрываясь от моря, стал подниматься все выше и выше. Лучи восходящей луны, сперва бледные, тусклые, нырнули в воду, быстро пробежались по ней, улеглись светлой дорожкой до самого берега и остались в таком положении, играя с морской зыбью. Подбегающие к берегу маленькие волны зыби шопотливым говором рассказывали о своих путевых впечатлениях далекой дороги с другой стороны моря.

— Там, за этим прекрасным морем, на другом берегу его, есть такая страна, в которой имеются такие же прекрасные зеленью

парки, великолепные дома-виллы, такой же вид на море. В этой стране живут такие же, как и вы, детишки пролетариев, которые мечтают о свободном Союзе советских социалистических республик. Там, за этим морем, дети рабочих и крестьян не имеют возможности жить так же, как и вы, им некуда поехать, чтобы отдохнуть, поправить свое здоровье. Те прекрасные парки, те великолепные виллы, которые имеются в этой стране, принадлежат не рабочим и крестьянам, а капиталистам. Фабриканты и помещики владеют ими. Они дышат этим легким, морским воздухом. Они любят эту эту морем. Их дети купаются в прозрачной воде.

Эта страна называется Болгарией. В этой стране посадили в тюрьмы и казнили родителей вот этих детей—ваших товарищей, которые приехали в Советскую Россию. И об этой стране, о жизни и борьбе болгарских рабочих я хочу вам немного рассказать.

Рассказчица, отдыхающая в Суук - Су, тов. Благоева, окинула взглядом детские лица своей аудитории. Они сосредоточились, следя за движением ее губ, вслушиваясь в ее го-

лос. И только треск хвороста, охваченного ярким пламенем лагерного костра, нарушал установившуюся тишину. Он пылал огненными лезвиями, выкидывая пламя в темноту ночи и выбрасывая пригоршни искр, стремящихся улететь к мерцающим звездам. Столб огня вышиною в два метра, пожирая беспрерывно подбрасываемый хворост, освещал сосредоточенные лица пионеров. Они с любовью и интересом взглянули на детей болгарских революционеров, переглянулись между собой и вновь приготовились слушать рассказ болгарской революционерки-коммунистки.

— Рабочим и крестьянам Болгарии, — продолжала она, — живется очень плохо. Их безжалостно эксплуатируют, заставляя жить впроголодь. Но из их среды выделяются передовые товарищи, которые организовались в коммунистическую партию. Партия объединяет вокруг себя всех угнетенных для того, чтобы вести беспощадную борьбу с капиталистическим строем. Буржуазия преследует революционеров и очень жестоко расправляется с ними. Но, несмотря ни на что, они продолжают свое великое дело.

Во время одного большого восстания буржуазия свирепо расправлялась с революционными рабочими и крестьянами. Все тюрьмы были переполнены, несмотря на то, что из их стен ежедневно выводились большие группы арестованных, и их расстреливали и вешали. Однако для вновь арестовываемых места в тюрьмах не хватало. Тогда жандармерия приспособила под тюрьму баржу. Баржу поставили на середине реки, и там, в отдалении от города, безжалостно издевались и расправлялись с арестованными рабочими. Ежедневно в реке погибали десятки рабочих, и в конце концов все, кто находился на барже, были убиты и утоплены. Только одна женщина осталась в живых, которую палачи не посмели убить потому, что у нее должен был родиться ребенок. Эту женщину перевели в тюрьму, и она потом рассказывала о тех ужасах, которые творились на этой знаменитой барже. Дочь этой революционерки находится среди вас, в Артеке, в группе детей болгарских революционеров.

— После восстания коммунистическая партия ушла в подполье. Что это значит?

— Это значит, что та партия, которая борется за победу рабочих и крестьян над буржуазией, за то, чтобы завоевать свободу и такие же права, как и у пролетариев советской страны, эта партия вынуждена продолжать борьбу потихоньку, чтобы о членах партии не знала полиция.

Это значит, что газету, которая учит рабочих и крестьян тому, как нужно бороться с буржуазией, нельзя распространять открыто. Газету укладывают на дно небольшого чемоданчика, заделывают так, что получается второе дно, и потихоньку переносят из подпольной типографии в безопасные места. Здесь газету раздают нескольким членам партии, и те распространяют ее среди рабочих.

И вот был такой случай. Собрались товарищи - революционеры на совещание. Сюда же должны были принести свежий номер газеты. Но то место, где собрались революционеры, было прослежено полицией, и за ним следили, чтобы в наиболее удобный момент войти в комнату и арестовать всех собравшихся в ней. Полиция проследила это место тогда, когда в помещение

вошел товарищ с чемоданчиком, несший газету.

Но этот товарищ сказал, что его выследили.

При входе в помещение он заметил человека, который, по его мнению, является сыщиком. Собравшиеся быстро уничтожили все бумаги, все, что могло их выдать, и когда полиция пришла с обыском, она ничего не обнаружила и ни к чему не могла придаться. Революционеры же, уверенные в правоте своего дела, продолжали работать и бороться за права рабочих и крестьян.

Такие случаи, когда из-под носа у сыщиков скрываются революционеры, ожесточили полицию, и она усилила свои зверства. Тюремны превращаются в дома ужаса, и стражники все больше и больше изощряются в истязаниях товарищей, арестованных за то, что они хотели устроить в Болгарии революцию.

Те, которые находятся еще на свободе, узнают через своих людей, какие показания давали арестованные при допросе, и передают им, как нужно говорить. А там, в застенках, их мучают, бьют кнутами, рези-

новыми линейками, но, несмотря на это, они не выдают своих товарищей, еще не арестованных полицией. Многие стали настоящими красными героями, вынесшими все страдания, не проронив ни одного слова, ни одного звука. Некоторые сумели убежать из тюрьмы.

Вот что случилось однажды там, на том берегу Черного моря, за горизонтом этого красивого водного пространства.

Товарищ Благоева указала на море и продолжала свой рассказ.

— Там, на берегу моря, стоит большая тюрьма. В этой тюрьме томились революционеры, и, чуя, что их будут убивать без всякого следствия, они решили убежать. Это им удалось. Они сумели вырваться из тюрьмы, обезвредив стражников, и на рыбацких лодках уплыли в Черное море.

Тюремщики строго следят, чтобы в Болгарию не проникла запрещенная литература, чтобы не проникла эта литература из СССР, чтобы не знали болгарские рабочие о том, как живут их товарищи—русские рабочие, чтобы не знали дети болгарских пролетариев о жизни русских детей. И раньше,

когда эти убежавшие революционеры были на свободе, они доставали запрещенную литературу через рыбаков, которые, рискуя своей жизнью, все же доставляли ее. Зная об этом, спасшиеся из тюрьмы товарищи храбро бросились на маленьких рыбацких лодках в открытое море и на этих лодках добрались до СССР.

Вот как борются болгарские коммунисты. Они борются с риском для жизни, учат этой борьбе болгарских рабочих и крестьян, находящихся в тенетах капитализма, в когтях страшного фашистского зверя.

Среди вас есть дочь одного болгарского революционера, который в течение нескольких часов отбивался от своры офицеров. Офицеры пришли с пулеметом и в течение нескольких часов боялись подойти к отцу этой девочки. Он дорого продал свою жизнь.

Болгарские палачи безжалостно мучат маленьких детей. Их любимое средство — не говорить детям, куда девались их отцы.

— Пропал, — говорят детям и матерям, если они обращаются в полицию с целью узнать о судьбе пропавшего отца.

Тысячи детей Болгарии ищут своих родителей, не зная, что они убиты болгарскими палачами без суда и следствия. И матери учат своих детей помогать сидящим в тюрьмах, ожидающим своего приговора предсмертникам.

Я помню, как дети помогли заключенным организовать празднование великого праздника труда—1 мая. Они пришли в тюрьму передать свой привет заключенным—большой букет цветов. В этот букет они умудрились завязать красную шелковую ленту, и вместе с букетом эта лента была передана заключенным.

В день 1 мая заключенные, выйдя на пятнадцатиминутную прогулку в тюремный двор, организовали первомайскую демонстрацию. Их красным знаменем была лента, переданная детьми в букете цветов. Они развернули ее, и по тюремному двору раздалось пение Интернационала. Это пение подхватила демонстрация рабочих, подошедших к тюрьме. Оно раздвинуло душную атмосферу, наполнило радостью сердца угнетенных и как бы показало, что никакие препятствия не помешают рабочим всего мира

праздновать свой великий первомайский праздник.

Многие дети закаляются в борьбе и растут стойкими революционерами - большевиками.

И там, на том берегу Черного моря, смотрят на вас дети угнетенных. Они учатся и готовятся к борьбе за мировой Октябрь.

Быть ленинцами — борцами за торжество мирового Октября — будьте готовы!

Ребята восторженились, перевели свой взгляд с рассказчицы на болгарских детей и вместе с ними бросили по морю звонкое, уверенное:

— Всегда готовы!

*

„16 июня у нас был костер, на котором с замиранием сердца мы слушали рассказ нашего советского дипкурьера тов. Махмасталья о бандитском нападении на них и убийстве товарища Неттэ иностранными капиталистами. Он говорит тихо, медленно, видно, что ему тяжело вспоминать этот случай.

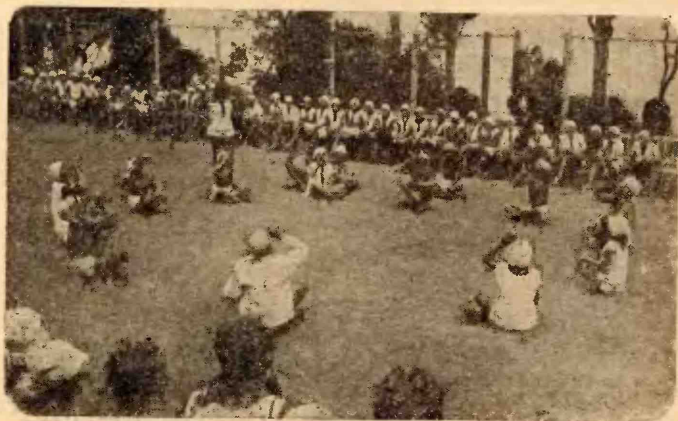
Дело это было в 1926 году 3 марта. Тов. Махмасталь с тов. Неттэ везли дипло-

матическую почту в несколько стран. В Литве на них напали люди с револьверами в масках и пытались захватить почту. Но, благодаря стойкости и хорошему здоровью тов. Махмасталя, она была спасена“.

*

„Вот уже почти прошел месяц как мы в Крыму. Да, хорошая жизнь в этом лагере.

Вечер спортивного смеха

Много она нам дает хорошего и полезного. В особенности костры. Они здесь очень разнообразны и часты. Так, костер спортивного смеха. В нем много было разнообраз-

ных номеров: бег в мешках, бег с кружкой воды на голове, бег страусом, на трех ногах, крабом, лошадью и др.

Опыт таких костров - вечеров, которые устраиваются в Артекском лагере, легко передать отрядам, чтобы улучшить работу" — таково мнение ребят, записанное в дневниках.

СЛУШАЙТЕ И КУШАЙТЕ

— Да, хорошая жизнь в этом лагере.

Как ни хорошо бывает вечерами расположиться вокруг костра, но по окончании его приходится расставаться с минувшим днем.

Потухнет костер, опустят пионеры лагерный флаг, умоются, вымоют ноги перед сном и, засыпая на чистеньких кроватях в палатках, дремотно перебирают в уме события прошедшего дня.

Как жаль расставаться с крымскими днями маленького месяца! Уходят дни за днями, и все меньше и меньше остается их до окончания месячного срока пребывания в лагере.

Как жаль!

И радостно за прошедшие дни и одновременно с этим жалко их. Жалко потому, что с каждым днем все ближе приближается день от'езда из лагеря.

В особенности последняя неделя. В думах, в сожалениях о скором от'езде еще быстрее протекают дни и как-то незаметно уже приблизился тот час, когда вошедшая в палатку сестра об'явила собравшимся перед обедом пионерам:

— После обеда привезут вашу одежду. Нужно переодеться. Завтра утром вы уезжаете.

— Утром?!

У некоторых уже начинают мигать глазенки и пружиниться вздрагивающие губы.

*

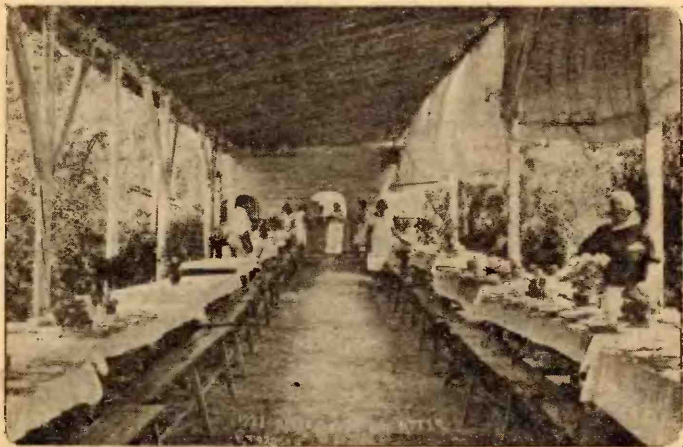
Во время обеда пионеры в последний раз слушают свою радио-газету. Из металлического рупора, вделанного в стену посудного отделения столовой, вылетают звуки знакомого голоса:

— Алло! Алло! Алло!

— Говорит вещательная станция Артекского лагеря юных пионеров.

— Слушайте и кушайте.

Радио-газета не мешает пионерам уничтожать вкусный обед. Бойко работают ножи и вилки, звенит посуда, и многие из пионеров показывают водителю чистые тарелки.

В столовой готовятся к встрече „союза чистых тарелок“

— Видишь?

У артекских пионеров существует „союз чистых тарелок“. Почетным президентом этого союза избран ребятами старший врач лагеря Федор Федорович Шишмарев. На первом же организационном собрании Федор Федорович сделал популярный доклад

о целях и задачах союза. Ребята, принявшие вначале идею „союза чистых тарелок“ как нечто шуточное, увидели, что это серьезная, полезная организация, с ясно обоснованными целями.

Меню ежедневно вырабатывается врачами. При этом учитывается как разнообразие его, вкус, так и количество калорий, имеющихся в продуктах. Включается то, что необходимо для поправки здоровья, для нормальной работы организма.

И Федор Федорович понятно раз'яснил вопросы пищеварения, условия, в которых принимаемая пища дает б'ольшую пользу, и ряд других вопросов. Само собой разумеется, — то, что подается на стол, должно быть с'едено полностью. Вот почему почти у всех пионеров тарелки бывают чистые, а некоторые умудряются так их вычистить, что и мыть, пожалуй, не требуется.

— Видишь? — обращаются они к вожатому.

А радио-газета в это время передает в рупор ребячьи заметки.

— Хотите видеть попрыгуний-стрекоз?

Пожалуйте в третью палатку.

Там вы увидите одну пионерку,
Она играет в камушки,
И только на чужих кроватях.
Мы не хотим ее фамилии называть,
Но вы сами можете ее увидеть.

— Знаем! Вот она!

— Что? Доигралась?

— Говорили тебе!

А в рупоре уже прыгает следующая заметка

— Алло! Алло!

— Радио-газета провела анкету.

Почему плохо и медленно строятся при подеме флага ребята?

Оказались интересные ответы:

1. Что торопиться к флагу статья,
Когда вожатые еще на лавочке сидят.
2. Некогда во-время попасть;
Надо весь Артек облететь,
В море камни побросать,
Краба поймать.
3. (Отвечают девочки).
В камешки надо поиграть.
А когда в них играем —
Все на свете забываем.

Все ребята насупились — примолкли; всех пробрали. А радио-газета уже передает

другую корреспонденцию лагерного дет-
кора:

— Пишут нам про Проценко о том,
Что вчера она с девчатами забралась в сад,
И столько там ягод каких-то с'ели,
Что у них у всех животы заболели.
Соседи же из первой палатки ей предлагают
Бузотерство оставить,
Чтобы лучше свое здоровье поправить.

— Правильно!

— Не бузи, Проценко!

Сегодня за обедом лагерное радио не-
чально известило:

— Слушайте прощальный номер радио-газеты.
Восьмого мая первый раз
Раздался за обедом глас:
„Слушайте и кушайте“.

Мы отмечали беспорядки,
Напоминали о фунтах,
Протягивали вас, ребятки,
Чтоб не ходили на головах.

А теперь последний раз,
Последний раз мы шлем вам сообщенье,
Как трудно вас, как трудно вас
Отпустить без сожаленья.
Но вы, расставаясь, не вешайте нос
И прощайтесь без слез.

Наше „прощай“
Пусть звучит
Как „здравствуй“!
— Алло! Алло!
Прослушайте небольшое сообщение
О результатах оздоровленья.

— Некоторые ребята, как мы ни предупредили,

А все-таки фунты растеряли.
Как таких встретят родители и отряды?
Не очень-то они вашим успехам будут рады.
Хотя есть у некоторых и небывалое достижение—

Восемнадцатифунтовое прибавление.

— Где они?

— За которым столом?

— Вон сидит.

— Ишь мурло-то какое от'ела.

— А ты бы купался столько, сколько врач разрешил, да все процедуры правильно принимал, и у тебя бы такое же было.

— Где ему? Его и так в газете продернули за купанье.

— Но вся суть в вашей общей поправке, перебивает ребят радио-газета.

В том, что вы на негров стали похожи,
Что увеличился размер груди,

В увеличении мышечной силы тоже,
В том, что каждый веселей глядит.

— Алло! Алло!

Несколько слов из наказа уезжающим пио-
нерам.

— Слушайте и кушайте.

Как приятно
Быть опрятным,
Чистить зубы,
Ноги мыть.

Быть под душем
Ранним утром,
Тело бодро
Зарядить.

Забуть ли мне все тайны гор и моря,
Которые тут из бесед удалось мне узнать,
И будет тот не пионер, а горе,
Кто не сумеет их в отряде рассказать.

Все песни, все костры и игры
Глубоко засели в голове моей.

Я хочу, чтобы в моем отряде
Их со мной играли, проводили, пели.

Все на режим
Строгий нажим,
Строй революцию дома.

Кто с головой,
Больше строй,—
У тебя ведь мозги—не солома.

— Алло! Алло!

Нигде, никогда не забывай:

Чтобы быть всегда готовым,

Надо быть всегда здоровым.

Прощайте, прощайте,

Писать в радио не забывайте.

Будьте здоровы!

В рупоре раздалось импровизированное хрипение — как у настоящего радио, когда атмосферные разряды мешают его работе.

Ребята соскочили со скамеек и побежали к будке, приткнувшейся к стене за рупором. Они часто в течение месяца выбегали к этой будке в надежде разгадать секрет лагерного радио, но ничего, кроме замка на двери и гробовой тишины, не обнаруживали.

— В чем тут секрет?

В рупор отчетливо слышится знакомый голос Саши-клубного, а дверь на замке.

А Саша-клубный притих в своей будке, закрытой снаружи, и терпеливо высидивает битых полчаса, пока не разойдутся пионеры, жаждущие узнать секрет лагерного радио.

НУЖНО БЫТЬ ВСЕГДА ЗДОРОВЫМ

Около палаток, на линейке — главной дорожке, на которой пионеры ежедневно выстраивались ровной шеренгой, чтобы поднять утром и спустить вечером лагерный флаг, встретить и проводить крымский день, грузно осели автобусы „Крымкурсо“.

Месяц назад такие же автобусы были встречены громом аплодисментов и радостным смехом. Это было в Симферополе, когда автобусы должны были отвезти пионеров на берег моря, в Артек.

Теперь стоят они пустые; не хочется пионерам раньше других усаживаться в кузов машины, хочется подольше побыть у своих палаток.

Насупились ребята, глядят на море, а глаза затуманились непрошенной слезой.

— Ну, садитесь, садитесь же, ребятаки.

— Ой, как не хочется.

— Еще бы недельку.

Выглянувшее из автобуса лицо маленькой девочки спряталось за спиной соседки, и оттуда послышалось тихое всхлипывание. У сидевшей впереди нее пионерки дрогнули веки глаз, из них выкатилась слезинка, за ней другая, руки протянулись к стоявшей у автобуса сестре...

Мальчики отвернулись в сторону, сжали дергающиеся губы, глотая подступающие к горлу слезы.

Машины тронулись, из них протянулись десятки рук к работникам лагеря.

А море ласковым шопотом и вскриками подбегавших к берегу волн тоже прощалось с пионерами, скрывшимися за поворотом дороги.

У каждого из них в кармане лежит листок бумаги с наказом лагеря. В этом наказе говорится о том, что должны делать пионеры по приезде домой, чтобы беречь свое здоровье.

В наказе говорится:

1. Как встанешь, убирай аккуратно постель, вымой с мылом руки, ноги, лицо, вытри тело, почиисти зубы, проветри комнату.

2. Ежедневно делай утреннюю гимнастику.

3. Всякую работу выполняй организованно. Умей работать, но умей и отдыхать.

4. Когда принимаешь пищу,—не торопись, хорошенько разжевывай ее.

5. После обеда отдыхай (проводи мертвый час).

6. Обязательно расскажи родителям, в отряде и в школе о Крыме и о жизни в лагере-санатории. Покажи им собранное в Крыму.

7. Помни об артекских играх и песнях. Чему научился сам—научи других.

8. Лагерные экскурсии, беседы, костры используй в своей и отрядной работе.

9. Умей жить дружно со своими товарищами и руководителями, будь дисциплинирован и умей подчиняться коллективу.

10. Пиши в Артек о своей жизни и работе.

Помни:

„Чтобы быть всегда готовым, нужно быть всегда здоровым“.

Артекский лагерь-санаторий ЮП.

Только одну ночь палатки были пустыми.

На следующий день утром работники лагеря вновь выходили встречать новые группы приехавших на отдых пионеров. Они, радостные, выпрыгивали из машин, складывали свои вещи и, вымывшись под душем, в беленьких трусиках, рубашках и панamaх бежали к морю, чтобы вымочить ноги в его воде, бросить камешки, познакомиться с ним, с его шумом, с его притягивающим к себе видом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
„Еж-те в рот... в Крым едут!	5
Журчит ручейком радость по фабричному поселку	10
Вали на всех парах	14
К Черному морю!	17
Первая „воздушка“	20
Физкульт - ура!	28
Среди гор, на берегу моря	34
Как приятно здесь купаться	50
По окрестностям лагеря	56
У костра	65
Костер революционной Болгарии	78
Слушайте и кушайте	89
Нужно быть всегда здоровым	98

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

СЕРИЯ КНИГ ДЛЯ ЧТЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

Под редакцией К. И. ЛЬВОВА

выходит двумя изданиями:

- I. Для школ I ступени** ||| **II. Для школ II ступени**
50 номеров в год. 24 книжки в год.

Задача „Читальни советской школы“—дать интересный и доступный материал для чтения учащимся.

Содержание отдельных выпусков „Читальни советской школы“ построено так, чтобы они могли служить подсобными книжками при проработке программ трудовой школы.

Не повторяя своим изложением учебных книг для чтения, выпуски „Читальни советской школы“ дают учащимся самостоятельное чтение.

Каждый выпуск составляет законченное целое и богато иллюстрирован художественными рисунками, фотографиями и пр.

Каждая книжка в художественной красочной обложке.

Все книжки имеются в розничной продаже.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

„Читальня советской школы для I ступени“
на год 8 руб.

„Читальня советской школы для II ступени“
на год 8 руб.

Каждая школа должна иметь в своей библиотеке несколько экземпляров
„ЧИТАЛЬНИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“

ЗАКАЗЫ и ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ: МОСКВА 19, ВОЗДВИЖЕНКА, 10.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

ДЛЯ I СТУПЕНИ

По Советскому Союзу

Амыльский Н. — В стране светлых лесов и степей (о башкирах).

Байсутов Н. — В песчаных степях. Как живут и чем промышляют туркмены. Ц. 35 к.

Байсутов Н. — В стране самых больших морозов. Как живут и чем промышляют якуты. Ц. 25 к.

Байсутов Н. — Там, где растет хлопок. Как живут и чем промышляют узбеки. Ц. 40 к.

Байсутов Н. — У теплого моря. Как живут и чем промышляют крымские татары. Ц. 35 к.

Бергер А. — В горах Восточного Закавказья (Азербайджан). Ц. 35 к.

Владимиров В. — На горных кручах. Ц. 25 к.

Евгеньев Б. — На Волге. Ц. 30 к.

Заречная С. — На широкий простор (по Днепру).

Заречная С. — Черная шаманка (о бурятах). Ц. 45 к.

Леонов Н. — В горных долинах Алтая. Как живут и чем промышляют ойраты. Ц. 25 к.

Леонов Н. — В степных просторах. Как живут и чем промышляют киргизы (казаки). Ц. 35 к.

Леонов Н. — На рыбной реке. Как живут и чем промышляют остяки-рыболовы. Ц. 20 к.

Леонов Н. — Охотники. Как живут и чем промышляют тунгусы и чукчи. Ц. 30 к.

Леонов Н. — По берегам северных морей. Как живут и чем промышляют поморы. Ц. 25 к.

Леонов Н. — Со стадами оленей. Как живут и чем промышляют самоеды-оленоводы. Ц. 20 к.

Леонов Н. и **Пелка В.** — В лесах Заволжья. Как живут и чем промышляют люди в лесной полосе СССР. Ц. 35 к.

Мартовский В. — В стране болот и озер. Ц. 25 к.

Мартовский В. — На харчевой по Керженцу. Ц. 30 к.

Миров Т. — На рыбных промыслах. Ц. 20 к.

Павлова М. — На далеком Севере. Ц. 30 к.

Пелка В. — В горных аулах. Ц. 25 к.

Пелка В. — В ущельях Кавказа. Ц. 25 к.

Чибизянов Д. — На дальнем, дальнем Востоке. Как живут и чем промышляют гольды и алеуты. Ц. 40 к.

Чумаченко А. — Бапир, сын Шушаны (о курдах). Ц. 30 к.

Шер Н. — Маленькая Кеть. Как живут вогулы. Ц. 35 к.

Шер Н. — Школьник Фейруз Ц. 28 коп.

ИЗ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ И ГОРОДА

Евгеньев Б. Катин ликбез. Ц. 30 к.

Соловово А. Как Ариша в люди вышла.
Ц. 35 к.

Соловово А. Товарищи. Ц. 30 к.

Степная А. На рыбной ловле. Ц. 25 к.

Трушков В. Ремесло плеч не давит. Ц. 30 к.

ИЗ ЖИЗНИ ПРИРОДЫ

Евгеньев Б. Ксзой в городе. Ц. 30 к.

Заречная С. Пожар в лесу. Ц. 20 к.

Зилов Л. Как Костя весне помогал. Ц. 35 к.

Зилов Л. С севера на юг. Ц. 25 к.

Фалькенштейн. Жизнь грачиной колонии.

ТРУД НА ЗЕМЛЕ

Гарин А. Весна в плодовом саду. Ц. 30 к.

Гарин А. Как мы разводили плодовый сад.
Ц. 22 к.

Гарин А. Лето в плодовом саду. Ц. 30 к.

Мартовский В. Конец божьей воли. Ц. 18 к.

Трушков В. Архипова коммуна. Ц. 25 к.

Все книжки в художественных
красочных обложках

Требуйте книги из издательства

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Москва, 19, Воздвиженка, 10.

С О В Е Т С К О Й Ш К О Л Ы
Ч И Т А Ъ Н Ы